

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 23 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., к.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

250-летие со дня рождения Н.М. Карамзина

Ромашов Р.А. Карамзин — первооткрыватель истории государства Российского3

Страхов С.Е. «Старых крепостей нет в политике»: польский вопрос и внешнеполитическая доктрина Н.М. Карамзина8

Из истории кодификаций

Беляева О.М. О призвании нашего времени к кодификации законодательства (с позиций Ф.К. фон Савиньи)13

Почекаев Р.Ю. «Экспорт конституции»: попытка создания парламентской монархии в Хивинском ханстве (1917 г.)17

Полунин С.В. Анализ законодательства Германии периода Второй мировой войны с точки зрения нормативного закрепления общепризнанных норм международного права23

Ельчанинова О.Ю. Теоретико-методологические аспекты изучения источников права XVII века в советской историко-правовой историографии27

Особый субъект права: история института

Войнилова И.Г. Развитие судебной формы реализации российского законодательства о незаконнорожденных XIX — начала XX века31

Солянюк П.Б. Назначение деятельности суда в цивилистическом процессе37

Корнеев В.В. Образ кулака в правосознании населения дореволюционной России41

Ливенцев Д.В. Военно-морские исправительные учреждения для несовершеннолетних английских преступников в начале XX века47

Рац С.В., Милютенко Н.И. Внешняя разведка СССР как инструмент разрешения военно-политического кризиса (на примере Карибского кризиса 1962 года)50

Игнатьев Е.А., Лысенков С.Г. Правовое регулирование социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны55

Щербаков А.Д. Становление системы врачебно-полицейского надзора за проституцией в Российской империи: краткая заметка60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 29.11.2016
Номер вышел в свет 29.12.2016
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 23 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. PI № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

250th Anniversary of N.M. Karamzin's Birth

Romashov R.A. Karamzin – the Pioneer
of the History of the Russian State 3

Strakhov S.E. "There are no Old Fortresses in Politics":
the Polish Issue and the Foreign Affairs Conception
by N.M. Karamzin 8

Glimpses of Codification History

Belyaeva O.M. Mission of our Time to Codify Legislation
(from the Standpoint of F.K. von Savigny) 13

Pochekaev R.Yu. "Export of Constitution": Attempt to Create
a Parliamentary Monarchy in the Khiva Khanate (1917) 17

Polunin S.V. Analysis of the German Law during
the Second World War in Terms of Normative Consolidation
of Universally Recognized Norms of International Law 23

Elchaninova O.Yu. Theoretical and Methodological
Aspects of the Study of the Legal Sources of the XVII
Century in the Soviet Historical
and Legal Historiography 27

Special Legal Subject: History of the Concept

Voynilova I.G. Development of Judicial Implementation
of the Russian Legislation on Illegitimates
in the XIX — Early XX Centuries 31

Solyanko P.B. Court Activization in Civil Process 37

Korneev V.V. Kulak's Image in the Legal Awareness
of the Population in the Pre-Revolutionary Russia 41

Liventsev D.V. Navy Correction Institutions for Juvenile
Offenders in England in the Early XX Century 47

Rats S.V., Milyutenko N.I. Foreign Intelligence of the USSR
as a Mean to Resolve a Military and Political Crisis
(as Exemplified by the Caribbean Crisis of 1962) 50

Ignatiev E.A., Lysenkov S.G. Legal Regulation
of Social Security of Disabled Veterans
of the Great Patriotic War 55

Shcherbakov A.D. Formation of the System
of Medical and Police Supervision over Prostitution
in the Russian Empire: Summary 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printed sheet 5,0.

Passed for printing 29.11.2016

Issue was published 29.12.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:

Publishing Group "Jurist".

Карамзин — первооткрыватель истории государства Российского

*Ромашов Роман Анатольевич,
начальник управления по работе с персоналом
ООО «Газпром межрегионгаз»,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
Заслуженный деятель науки России,
доктор юридических наук, профессор
kaf_tgp@mail.ru*

В рамках «лингвистической» концепции понимания истории предлагается рассматривать национальную историю по аналогии с национальным языком, существующим и развивающимся под влиянием объективированных закономерностей. Выделяются этапы истории Российского государства. Показано значение Н.М. Карамзина для формирования системного видения истории Российского государства и права.

Ключевые слова: история государства, правительство, концепция истории, Н.М. Карамзин, монархия, государственное устройство, исторический период, Древнерусское государство, татаро-монгольское иго, централизованное государство, Смутное время.

Karamzin – the Pioneer of the History of the Russian State

*Romashov Roman A.,
Head of the Human Resources Department
of Gazprom Mezhrefiongaz, LLC, Professor of the Department
of Legal Theory and Law Enforcement of the St. Petersburg
University of Humanities and Social Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation*

As part of the “language” concept of history understanding, the national history is invited to be considered by analogy with the national language which exists and develops under the influence of objectified patterns. The article separates stages of the history of the Russian state and describes the influence of N.M. Karamzin on the formation of comprehensive vision of history of the Russian state and law.

Key words: history of the state, government, the concept of history, N.M. Karamzin, monarchy, state structure, historical period, the Old Russian state, the Tatar Yoke, centralized state, the Time of Troubles.

История любого государства и народа подобна языку. Мы общаемся друг с другом посредством того языка, который существует здесь и сейчас. Никто не спорит с тем, что национальный язык в современном его виде существовал не всегда, а когда-то его вообще не было. Когда возникает язык, какие этапы в своем развитии проходит. Применительно к «великому и могучему» русскому языку, казалось бы, не вызывает сомнений то, что русский язык является ровесником русского народа, основой русского единства и мощнейшим средством его национально-культурного развития. Однако, если посмотреть, с каких пор русский язык перестал быть просто инструментом общения и превратился из «языка говорения» в «язык научного знания», то приходится констатиро-

вать, что системно мы, русские, свой язык стали осознавать не ранее XVIII в. Что же касается классического литературного русского языка, то окончательно он сложился лишь к началу XIX в.

Можно ли провести аналогию национального языка и национальной истории? Полагаю, что да. Народ, не знающий своего языка, так же как и народ, не знающий своей истории, не имеет под собой надежной объединяющей основы. Мы живем в век глобализации. Государственные границы, разделяющие народы, приобретают все большую условность. Нередко можно услышать, что объединяющей идеей для современных россиян должна стать идея патриотизма. Однако на простой вопрос «Кто ты» мы, как правило, слышим: «Я татарин, калмык, русский, москвич, санкт-

петербуржец, юрист, учитель, дворник», а вот то, что все мы в первую очередь россияне, «многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле»¹, зачастую забываем, а может быть, просто не очень-то и задумываемся по этому поводу.

В современной России огромное количество учебников по русскому языку и по истории Российского государства. Русский язык официально признан государственным языком Российской Федерации, а также языком межнационального общения россиян. Вместе с тем курса отечественной истории, которая на государственном уровне была бы признана официальной версией «единой государственной истории России», нет и, думаю, в обозримой перспективе не появится.

В Российской империи наряду с государственным русским языком существовало государственное вероисповедание — Православие. Население Империи составляли русские и инородцы. Русский в Империи — это не национальность, а принадлежность к государственному православию и русской языковой группе. История Российского государства в этот период — это единая история русского народа, земли и веры. Исторический дискурс задается известной триадой, характеризующей российскую/русскую ментальность: «Православие. Самодержавие. Народность».

Советское правительство, признав церковь «опиумом для народа», утвердило в качестве государственной веры коммунистическую идеологию, в рамках которой русская часть советской России фактически приравнивалась к нерусским национальным группам, входившим в состав «многонационального советского народа». При этом, несмотря на имевшие место интегративные процессы в социальной системе, по-настоящему единого советского народа в ходе «социалистического эксперимента» создать не удалось, что впоследствии предопределило практически мгновенное разрушение советской федерации, выстроенной по национальному принципу. Следует также отметить, что в СССР было две основополагающие концепции истории: История КПСС и собственно История России. Причем и та, и другая создавались по «государственному заказу» и носили

ярко выраженный классово-идеологический характер. Произошедшие в 90-х годах XX в. распад СССР и крах мировой системы социализма представляли собой события столь же планетарного масштаба, как и мировые потрясения, обусловленные Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г.

Изменение мирового порядка в очередной раз обусловило необходимость переосмысления собственной национальной истории. «Вдруг» оказалось, что истории СССР как «единой и нерушимой семьи народов» нет. Бывшие «братские» союзные республики, а ныне суверенные государства, начали сочинять собственные курсы собственной истории, в рамках которых отношения с «большой» советской (читай: российской) Родиной рассматривались отнюдь не как добрососедские. Что же касается самой России, то, с одной стороны, явственно обозначились тенденции к национальной изоляции, основанной на враждебном восприятии «иностранного засилья», а с другой — получили практическое воплощение попытки создания «толерантной» истории, в рамках которой на бесконфликтной основе были бы соединены различные этапы, события, персонажи государственной и правовой истории Российского государства и общества. При этом государство, с одной стороны, безусловно, довлеет над исследователями, определяя «желаемую модель «правильной» истории» и пытаясь за счет различных, в том числе и юридических, мер бороться с попытками ее «негативной фальсификации». С другой стороны, заявляется плюралистичность научных подходов к историческим исследованиям, что обуславливает огромный разброс высказываемых мнений и даваемых оценок и в качестве результата влечет появление многочисленных «альтернативных отечественных историй», ни одна из которых, как ранее отмечалось, на официальном уровне не признана «единой государственной историей России».

В сложившейся ситуации, безусловно, актуализируются научные исследования, связанные с концептуальными базовыми подходами к пониманию российской истории как обособленного объекта научного познания, определению параметров ее исследования и критериев систематизации и периодизации. Сравнение истории с языком позволяет предложить рабочую гипотезу «лингвистической» концепции понимания истории, на

¹ Конституция Российской Федерации. М.: Юрист, 1997. С. 3.

основе которой можно будет в дальнейшем построить логически непротиворечивую систему рассуждений.

В рамках заявленной концепции и язык, и историю следует воспринимать как некие субстанциональные среды, задающие границы и определяющие содержание процессов человеческой жизнедеятельности. В реальной жизни мы, не задумываясь, дышим, произносим слова и предложения, переходим с одного этапа своей жизненной истории на другой. Человеческий язык и человеческая история столь же объективны, как и время, в рамках которого они существуют. На определенном этапе человек начинает воспринимать динамику времени, понимать, каким образом время можно измерять. Постепенно у людей складывается чувство ценности времени и ощущение необходимости «время-сбережения». То же самое происходит с языком и историей. Отдельно взятый человек не может ни создать, ни изменить эти явления. Вместе с тем вне отдельных личностей языка и истории нет. Говоря о русском языке, мы говорим о В. Дале, А. Пушкине, А. Чехове, Л. Толстом. Говоря об истории — об Александре Невском, Иване Грозном, Петре Великом, Ленине, Сталине, Путине. Создают ли эти люди язык и историю? И да, и нет. Так же как и в театре, на стадионе, в учебной аудитории, есть те, кто живет на сцене, а есть наблюдатели и вместе с тем участники происходящего действия. Литератору необходим читатель, педагогу — ученик, политике — подвластный народ. Без этих «участвующих субъектов» невозможна постановка, называемая Жизнь. Вместе с тем есть и еще одна категория, те, кто пишет сценарии, создает правила, определяет закономерности, в соответствии с которыми происходят жизненные процессы. Если в подобном ключе говорить об истории, то к категории «сценаристов» относятся ученые-историки, изучающие закономерности исторического развития и создающие индивидуальные и коллективные модели исторического бытия.

Сегодня в России быть историком «модно» и относительно безопасно. Наряду с профессиональными историками исторические эссе пишут и издают представители самых разных направлений деятельности. Говорить о научной ценности произведений подобного рода в мои планы не входит, равно как и не стоит цель подвергать их критическому анализу. Простейший эксперимент, осуществленный посредством похода в ближайший

книжный магазин, где продаются учебники по истории, позволяет прийти к выводу, что на рынке сегодня представлено множество различных по объему и качеству интерпретаций отечественной истории, существенным образом отличающихся друг от друга и вместе с тем претендующих на «историческую правду». Что следует из сказанного? А то, что и язык, и история — это те сведения, которыми мы о данных понятиях обладаем. Человек, не знающий языка, не может получать информацию иным способом, нежели посредством собственных чувств, ощущений, оценок. То же самое можно сказать о человеке, не знающем историю своей земли, народа, государства. При этом мы получаем информацию как о языке, так и об истории от наших учителей и из наших учебников, а также из многочисленных информационных источников, каждый из которых претендует на достоверность предоставляемых сведений. От качества полученных знаний зависит наша способность общаться друг с другом, оценивать свое прошлое и настоящее, прогнозировать будущее.

Подошло время перейти к заявленной теме. Сколько трудов по истории Российского государства можно назвать в историческом промежутке начиная от истоков (IX–X вв.) вплоть до XIX в.? Не думаю, что сильно ошибусь, если выделю «Повесть временных лет», написанную в XII в.², однако сохранившуюся только в летописях конца XIV — начала XV в. Затем вплоть до XVIII в. — пробел, а точнее — провал в государственной историографии. Далее выпущенная в качестве концептуального оформления норманнской теории И. Байера и вызвавшая бурю возмущения национал-патриотов во главе с М. Ломоносовым работа Г. Миллера «О происхождении имени и народа российского» (1749 г.). Планируемая в качестве «альтернативной патристической истории» — «Древняя Российская История» самого М. Ломоносова увидела свет в 1766 г. Труд В. Татищева «История Российская с самых древнейших времен...» был издан в 1768–1769 гг. И наконец, в 1816–1824 гг. вышла «История государства Российского» Н. Карамзина. Конечно, потом были труды С. Соловьева, В. Ключевского и др., но это были уже продолжатели направления,

² Большинство известных летописей (Ипатьевской, Хлебниковской, Раскольниковой и др.) в той или иной степени повторяют сведения, изложенные в «Повести временных лет».

заданного Н. Карамзиным, безусловно, очень талантливые, состоятельные, добросовестные, но все же только продолжатели.

Титул первооткрывателя официальной истории государства Российского по праву принадлежит Николаю Михайловичу Карамзину. Человеку, по сути открывшему Россию для русских людей, показавшему веки зарождения, становления и развития русской государственности, предложившему свой подход к ее периодизации, а также сформулировавшему не утративший своей актуальности вплоть до настоящего времени подход к оптимальной модели отечественного государственного устройства.

Представление о Н. Карамзине как об историческом первооткрывателе базируется как на содержательной оценке его труда, так и на формальных моментах. Карамзин писал «свою» историю России, находясь в официальном статусе государственного (императорского) историографа, получая солидное жалование (2000 рублей в год) и будучи допущенным ко всем российским библиотекам и архивам. На подготовку основного труда своей жизни автором было затрачено более двадцати лет упорного целенаправленного труда. Конечно, можно упомянуть о том, что должность российского историографа занимал уже упоминаемый ранее Г. Миллер, однако его труд на полномасштабное историческое исследование не претендует по определению. Да и свою битву за «правильную русскую» историю с великим русским патриотом М. Ломоносовым Г. Миллер «с треском» проиграл, что, кстати, не помешало норманнской теории происхождения русского государства вплоть до настоящего времени сохраниться в качестве основной историографической версии «начала» отечественной государственности.

Труд Н. Карамзина — это выполненное по «Высочайшему указу» (по сути, государственному заказу) исследование, соответствующее поставленным целям и задачам. Сравнение его с работами М. Ломоносова и В. Татищева позволяет говорить о том, что рассмотрение последних в качестве полномасштабных научно-исторических исследований не представляется возможным, что отнюдь не умаляет значимости многочисленных заслуг их авторов.

М. Ломоносов писал скорее не хронологическую историю Российского государства, а собственное ее видение, руководствуясь не столько достоверными источниками,

сколько вдохновением и желанием создать «великую историю великого народа». Исторический экскурс М. Ломоносова охватывает только первоначальный этап становления Древнерусского государства «от начала Российского народа до кончины Великого князя Ярослава первого или до 1054 года» и, таким образом, может претендовать в большей степени не на общеисторический обзор, а на своего рода «введение» в отечественную историю. К тому же, до нашего времени сохранилась только первая треть подготовленной М. Ломоносовым рукописи, что существенным образом затрудняет ее объективную целостную научную оценку.

«История Российская с самых древнейших времен...» В. Татищева подготовлена им в «свободное от основной работы время» и представляет собой итог увлеченной, однако бессистемной работы. Не имея специальной подготовки, не располагая достаточным временем и средствами, В. Татищев по определению не мог создать системный, методологически обоснованный научный продукт. Приводя в своем описании летописные предания, зачастую без указания на источники, В. Татищев создал скорее не достоверный научно-исторический курс, а новый летописный свод, в котором документально не подтвержденная «былинная история» соседствует с основанными на реальных исторических документах комментариями. Вместе с тем его сочинение ценно стремлением соотносить историю и современность, показать значимость сформировавшихся на ранних стадиях российской государственности политико-правовых традиций, для практики современной В. Татищеву государственно-правовой системы. Собственно научную значимость выполненному В. Татищевым исследованию придают введенные в оборот историко-правовые тексты, и прежде всего обнаруженные и опубликованные им тексты Русской Правды и Судебника Ивана Грозного. Так же как и М. Ломоносову, В. Татищеву не удалось закончить свой труд. Из запланированных четырех частей «Истории», которые по идее должны были охватывать период от древнейших времен до конца XVI в., относительную завершенность получили лишь первая и вторая части. Третья и четвертая части носили преимущественно описательный характер и практически не содержали ссылок на источники.

«История государства Российского» Н. Карамзина — это, прежде всего, пер-

вое массовое издание общего курса российской истории. Выпущенное огромным по тем временам тиражом в 3000 экземпляров, первое издание разошлось за фантастический срок — 25 дней, что является наглядным подтверждением «сверхпопулярности» этой книги, а также свидетельствует о том, что именно этот исторический курс стал официальным, государственно признанным представлением об основных исторических этапах развития и политических деятелях, оказавших наиболее значимое влияние на ход российской истории.

Методологической основой, в соответствии с которой выстраивается модель отечественной истории, для Н. Карамзина стала концепция развития монархической власти. Уже в самом начале своего труда он отмечает, что «слова Новгородцев и союзных с ними народов, преданные нам Летописцем: «хотим Князя, да владеет и правит нами по закону», были основанием первого устава государственного в России, то есть монархического»³. С установлением централизованной княжеской власти связывается автором формирование единого Древнерусского государства; с княжеской междоусобицей — государственная раздробленность и подпадение под татаро-монгольское иго; с усилением московских князей — период «собираания земель русских», свержение ненавистного ига и обретение русским государством независимости.

Курс истории государства Российского Н. Карамзина выстроен по традиционной для последующих историков схеме. Автором дается общая характеристика государственного и общественного устройства, складывающегося на определенном историческом этапе, которая затем получает отражение в описании периодов правления русских государей. В качестве основных исторических периодов автором выделяются: «предъистория» русского государства (жизнеописание народов, издревле обитавших в России); становление Древнерусского государства; домонгольская Русь XI–XIII вв.; состояние России от нашествия татар (XIII в.) до Ивана III (конец XV — начало XVI в.); становление централизованного Российского государства (XVI в.); Смутное время (первая четверть XVII в.).

³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1. Гл. 10. URL: <http://www.bibliotekar.ru/karamzin/51.htm>

Древняя Русь рассматривается Н. Карамзиным в качестве «золотого времени» Российского государства, когда последнее не только не уступало в своем развитии европейским странам, но превосходило их. «Было время, — пишет Н. Карамзин, — когда она (Россия. — Р.Р.), рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим Европейским державам, основанным на развалинах Западной Империи... имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы Государственные... Правление Ярослава Великого есть без сомнения сие счастливое для России время: утвержденная и в Христианстве, и в порядке государственном»⁴.

Наряду с «золотым временем» выделяется «темное», связываемое с татаро-монгольским игом. «От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на Государство: сила казалась правом; кто мог, грабил; не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности»⁵.

Обретение Россией государственной независимости, и формирование централизованного государства рассматривается ученым по аналогии с европейским Возрождением. «Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новой величии так, что История едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря Провидению, можем ласкать себя мыслию, что Оно назначило России быть долговечною»⁶.

Дальнейшее историческое развитие Российского государства описывается на основании хроник правления Василия III и Ивана Грозного. Завершает курс история Смутного времени, предшествовавшего воцарению династии Романовых, знаменующему «Новое время» российской истории.

Давая общую оценку фундаментального исторического исследования, проделанного Н. Карамзиным, следует прежде всего отметить его системность, логическую последовательность, содержательную завершенность. Считая монархическую форму правления оптимальной для России, Н. Карамзин отнюдь не стремится к ее идеализации. Напротив, он отмечает, что фор-

⁴ Там же. Т. 5. Гл. 4. URL: <http://www.bibliotekar.ru/karamzin/51.htm>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

мирование жесткой «властной вертикали» способствует минимизации свободной инициативы и превращает людей независимо от их социального положения в бесправных «государевых холопов». Большое внимание уделяется в работе проблеме соотношения России и Запада. При этом Н. Карамзин пытается по возможности наиболее объективно оценить социально-культурный потенциал этих политико-правовых систем, с тем чтобы обозначить возможные направления и средства их взаимодействия как в области партнерства, так и в конфликтной сфере.

Обращает на себя внимание определенная отстраненность автора от субъективно-оценочной характеристики излагаемого материала. В книге отсутствуют столь характерные для советских, как, впрочем, и для современных исторических курсов, идеологические штампы и клише. Также нет и характерной для диалектического материализма убежденности в том, что история всегда

развивается в поступательном прогрессивном направлении. По мнению Н. Карамзина, с которым трудно не согласиться и которое, на мой взгляд, не утратило своей актуальности и значимости для современных исследователей: «История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется»⁷.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. М. : Юрист, 1997. С. 3.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. Т. 1. Гл. 10. URL: <http://www.bibliotekar.ru/karamzin/51.htm>
3. Карамзин Н.М. История государства российско-го : в 12 т. Т. 5. Гл. 4. URL: <http://www.bibliotekar.ru/karamzin/51.htm>

⁷ Там же.

«Старых крепостей нет в политике»: польский вопрос и внешнеполитическая доктрина Н.М. Карамзина

*Страхов Сергей Евгеньевич,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного института (филиала)
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
strakhov@inbox.ru*

В статье автором рассматриваются и анализируются внешнеполитические взгляды Н.М. Карамзина, выраженные в «Мнении русского гражданина».

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, внешняя политика, Польша, консерватизм, «Мнение русского гражданина».

“There are no Old Fortresses in Politics”: the Polish Issue and the Foreign Affairs Conception by N.M. Karamzin

*Strakhov Sergey E.,
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the North-West Institute (Branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

In the article the author discusses and analyzes the Karamzin's foreign policy views expressed in the “Opinion Russian citizen”.

Key words: N. Karamzin, foreign policy, Poland, conservatism, “Opinion of Russian citizen”.

Николай Михайлович Карамзин известен современникам в первую очередь как литератор и историк. В обеих этих науках ему удалось совершить переворот. В литературе его относят к одним из основоположников русского сентиментализма и называют в числе его заслуг реформу русского языка.

Роль Н.М. Карамзина в исторической науке и вовсе трудно переоценить. Труд, ставший знаковым для всей его жизни, — «История государства Российского»¹ стал знаковым и для всей истории в целом.

Несмотря на то что глобальные исторические труды, ставящие своей целью описать историю России, создавались и ранее (среди них можно указать, например «Историю Российскую...» В.Н. Татищева² и «Историю Российскую от древнейших времен» М.М. Щербатова³), именно труд Карамзина стал наиболее известен широкой публике, его издания раскупались тысячами тиражами.

Следует заметить, что инициатива Н.М. Карамзина была поддержана и на государственном уровне — так, с 1803 г. по именному указу императора Александра I он стал придворным историографом.

Как отмечают многие современники, работа в архивах для «Истории...» открыла для нас Карамзина-консерватора. Широко известен афоризм, приписываемый А.С. Пушкину: «*В его «Истории» изящность, простота доказывают нам, без всякого пристрастия, необходимость самовластия и прелести кнута*»⁴. Подобные идеи Карамзина даже дают право некоторым исследователям называть его одним из первооткрывателей и идеологов российской доктрины национальной безопасности⁵.

Не следует, однако, забывать, что консервативные нотки в настроениях Карамзина мы можем уловить и ранее: так, в называемых первым произведением эпохи русского сентиментализма «Письмах русского путешественника» Карамзин резко осудил Французскую революцию: «Революция объяснила идеи... мы увидели, что гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных своих недостатках... что все смелые теории ума... должны остаться в книгах». На консервативный характер взглядов Карамзина в это время указывают и ряд исследователей⁶.

Консервативные настроения Карамзина в этом контексте не вполне совпадали с идеями Александра I, который, вступив в 1801 г. на престол, был в достаточной степени заинтересован в либеральных преобразованиях.

Свидетельствует об этом комплекс указов, изданных в самом начале его правления. Среди таких указов следует отметить указ об ограничении производства полиции⁷, манифест об упразднении специальных судов за государственные преступления⁸, указ об отмене пытки⁹ и т.д. Особого упоминания заслуживает именно указ императора Сенату об управлении Комиссией по составлению законов князю Завадовскому¹⁰, которым предполагалось начало масштабной законодательной работы, связанной с реформой действующего законодательства¹¹.

В связи с этим Карамзин, озабоченный излишним, на его взгляд, либерализмом пра-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Тома I–XII. 1816–1829.

² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Тома I–VI. 1768.

³ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Тома I–XII. 1770.

⁴ Томашевский Б.В. Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 208–215.

⁵ Босхамджиева Н.А. Историческое развитие феномена национальной безопасности // Безопасность бизнеса. 2009. № 4. С. 36–39.

⁶ См., например: Рубаник С.А. Русская политико-правовая мысль первой половины XIX в. об идее конституционного государства // История государства и права. 2009. № 19. С. 16–20.

⁷ Указ от 13 марта 1801 г. «О подтверждении полицейским чиновникам, чтобы они из границ должностей своих не выходили» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 19799.

⁸ Указ от 2 апреля 1801 г. «Об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел, производящихся оной, в Сенате» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 19813.

⁹ Указ от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пытки» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 20022.

¹⁰ Указ от 5 июня 1801 г. «Об управлении Комиссией составления законов графу Завадовскому» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 19904.

¹¹ Подробнее см.: Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований XIX века в деятельности Комиссии по составлению законов и М.М. Сперанского // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 11–19.

вителя, всячески пытался донести свое видение до Государя.

В российской действительности подобное осуществлялось чаще всего подачей так называемых записок. Такой формой часто пользовался М.М. Сперанский, из записок которого был позднее составлен целый сборник¹². Следует упомянуть также записки А.А. Безбородко, М.А. Балугьянского, Д.Н. Блудова, С.И. Зарудного и др.¹³

Историографы упоминают о двух посланиях такого рода, направленных Карамзиным Александру I: «Записка о древней и новой России» (1811 г.)¹⁴ и «Мнение русского гражданина» (1819 г.)¹⁵.

При этом «Записка...» неоднократно становилась предметом исследований и получила неофициальный титул «первого манифеста российского консерватизма»¹⁶, а «Мнение...» в научной юридической литературе практически не исследовалось.

В настоящем тексте автор не ставит перед собой задачу исчерпывающим образом исследовать этот памятник общественно-политической мысли, но попытается обратить внимание читателя на ряд интересных мыслей и выводов великого историка.

«Мнение русского гражданина» — маленький по своему объему очерк, всецело посвященный так называемому «польскому вопросу».

Чтобы объяснить выраженное Карамзиным предельное беспокойство взглядами императора в этом вопросе, необходимо совершить краткий экскурс в историю взаимо-

отношений Александра I и Польши. Наиболее четкое и сжатое представление об этом, по мнению автора, дает М.К. Любавский¹⁷.

Он отмечает, что восстановление Польши стало мечтой Александра еще в дни ранней юности, когда ему исполнилось 19 лет. Последний раздел Речи Посполитой случился как раз в то самое время, когда он только что закончил курс сентиментально-политического воспитания у Лагарпа, когда душа его преисполнена была мечтаниями о свободе, справедливости народов... Насилие, учиненное над Польшей, огорчало его, и он откровенно высказал это молодому князю Адаму Чарторыйскому в беседе в Таврическом саду весной 1796 г. Великий князь прямо заявил, что он не одобряет политики и действий своей бабки, осуждает ее принципы; заявил, что все его желания были на стороне Польши и ее славной борьбы, что он оплакивает ее падение.

После восшествия Александра на престол совместными силами с Чарторыйским были предприняты две попытки восстановить целостность Польши. Первая из них предполагала «мягкий» путь — через заключение различных международных соглашений, в соответствии с которыми Польша должна была быть восстановлена в прежних границах и отойти к России. Указанный план провалился ввиду отсутствия согласия между потенциальными союзниками. Второй план — восстановление Польши силой оружия — строился на попытке восстания в Польше и провозглашения Александра I королем польским. Россия в составе антинаполеоновской коалиции должна была поделить свои войска на две армии, из которых одна должна была отправиться через Галицию на помощь Австрии, а другая — вторгнуться внезапно в Пруссию и занять ее. Чарторыйский и задумал воспользоваться этим вторжением для восстановления Польши. Но эта попытка также не удалась¹⁸.

Следующая инициатива исходила уже от самого Александра, который в 1811 г. (год издания «Записки...») вступил в переписку все с тем же Чарторыйским и обещал в случае помощи в антинаполеоновской коалиции восстановить Польшу. Частично эта инициатива удалась, и 21 апреля 1815 г. были подписаны

¹² Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961.

¹³ Подробнее см., например: Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований в воззрениях государственных деятелей XIX века // История государства и права. 2016. № 19.

¹⁴ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / примечания Ю. С. Пивоварова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 128 с.

¹⁵ Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль. 2002. С. 436–438.

¹⁶ См., например: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. г. Воронеж. М. Издательство Воронежского государственного университета, 2011. С. 407; Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 120; Сегень А.Ю. История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // Литературная учеба. 1988. № 4.

¹⁷ Любавский М.К. История царствования Екатерины. Приложения. Александр I и Польша. М., 2013. 254 с.

¹⁸ Любавский М.К. Указ. соч.

трактаты между Россией, Австрией и Пруссией, которыми судьба Варшавского герцогства была определена таким образом: герцогство неразрывно связывалось реальной унией (*par la constitution*) с Россией, за исключением Познани, Бромберга и Торна, отданных Пруссии, Кракова, объявленного вольным городом, и соляных копей Велички, возвращенных Австрии вместе с Тарнопольским поветом, который с 1809 г. принадлежал России; Александр принимал титул короля польского и предоставлял себе даровать этому государству, пользующемуся особым управлением, то внутреннее протяжение, которое признает подходящим. Тем не менее указанное нельзя было, по существу, счесть истинным восстановлением Польши¹⁹.

Теперь становятся понятны волнения Карамзина. В великом волнении, которое не в силах был скрыть даже за великим мастерством литератора, он писал:

«Государь! Вы думаете восстановить Польшу в *ее целостности*, действуя как Христианин, благодворя врагам... Вера Христианская... выше земли и мира; выше всех законов — физических, гражданских, государственных, — но их *не отменяет*. Мы сблизилась с Небом в *чувствах*, но *действуем* на земле, как и прежде действовали. Евангелие молчит о Политике; не дает новой: или мы, захотев быть Христианами-Политиками, впадем в противоречия и несообразности. Меня ударят в ланиту: я как Христианин должен подставить другую. Неприятель сожжет наш город: вступим ли его мирно в другую, чтобы он также обратил его в пепел? Как мог язычник Марк Аврелий, так может и Христианин Александр благодворить врагам государственным, уже *побежденным*, следуя закону человеколюбия, известного и добродетельным язычникам, но единственно в таком случае, когда сие благодворение не вредно для Отечества.

Вы думаете восстановить *древнее* Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости?

Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все Государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответственна Богу, ответственна Истории за

свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение.

Старых крепостей нет в Политике (выделено нами. — С.С.) иначе мы должныствовали бы восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и так далее. К тому же и *по старым крепостям* Белорусия, Вольния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России.

Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: *ни пяди, ни врагу, ни другу!* Наполеон мог завоевать Россию; но Вы, хотя и Самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины Русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите?

Одним словом... восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую Державу, что Вам без неблагодарности, без греха Христианского и без тщеславия, осуждаемого самую человеческою Политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным, великодушным посредничеством; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже приобрели имя *Великого*: приобретите имя *Отца* нашего! Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, *как оно есть* ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, *как она есть*, и как оставлена Вам Екатериною!.. Екатерина и наша Отечество: Ее тень здесь присутствует... умолкаю»²⁰.

Этот крик души, столь же дерзкий, сколько и уважительный, не мог не остаться без внимания Александра. Хотя никакой прямой реакции и не последовало, а содержание самого трактата не получило широкой огласки,

¹⁹ Любавский М.К. Указ. соч.

²⁰ Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 436–438.

современниками отмечалось, что в целом «Мнение...» Император воспринял гораздо более благосклонно, чем «Записку...».

Об этом же свидетельствуют и дальнейшие действия Александра: в 1818–1820 гг. был проведен ряд мероприятий, направленных на установление и усиление цензуры, а в 1820 г. на Сейме и вовсе разразился грандиозный скандал: посол Калишского воеводства Викентий Немоевский предлагал привлечь к суду министра народного просвещения Станислава Потоцкого за то, что он скрепил своей подписью постановления администрации, вводившие цензуру. Александр, немало разгневанный этими словами, в прощальной речи при закрытии Сейма бросил послам упрек, что они своими действиями замедлили дело восстановления своего отечества и что на них за это падет тяжкая ответственность. Уезжая на другой день в Петербург, Александр предоставил великому князю Константину полную свободу действовать, не стесняясь конституцией. В дальнейшем ситуация только ухудшилась: Сейм 1822 г. не был созван из-за «неспокойного состояния умов», в Польше начали все больше поднимать голову националистические идеи. Последний Сейм, состоявшийся в 1825 г., был проведен под большим политическим давлением России, поэтому накопившиеся у польского народа претензии не были на нем озвучены. Александр остался чрезвычайно доволен этим обстоятельством и пообещал скорое восстановление отношений, но, по меткому определению все того же М.К. Любавского, «судьба решила иначе»²¹.

Прав ли был Карамзин, столь резко высказывая свои опасения? Стоит ли распространять принципы, сформулированные в «Мнении...», на внешнеполитические отношения с другими странами? Допустима ли подобная постановка вопроса сейчас, особенно в условиях осложнившегося международного положения? Единого мнения по этим вопросам, как показала история, быть не может, но единственное нам известно точно: облеченным высшей властью пора задуматься над вопросом, поставленным Н.М. Карамзиным почти два века назад: есть ли «старые крепости» в политике современной России?

²¹ Любавский М.К. Указ. соч.

Литература

1. Босхамджиева Н.А. Историческое развитие феномена национальной безопасности // Безопасность бизнеса. 2009. № 4. С. 36–39.
2. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / примечания Ю.С. Пивоварова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 128 с.
3. Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль. 2002.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. Тома I–XII. 1816–1829.
5. Любавский М.К. История царствования Екатерины. Приложения. Александр I и Польша. М., 2013. 254 с.
6. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. г. Воронеж. М. Издательство Воронежского государственного университета, 2011. С. 407.
7. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.
8. Рубаник С.А. Русская политико-правовая мысль первой половины XIX в. об идее конституционного государства // История государства и права. 2009. № 19.
9. Сегень А.Ю. История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // Литературная учеба. 1988. № 4. С. 16–20.
10. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961.
11. Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований XIX века в деятельности Комиссии по составлению законов и М.М. Сперанского // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 11–19.
12. Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований в воззрениях государственных деятелей XIX века // История государства и права. 2016. № 19. С. 39–43.
13. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Тома I–VI. 1768.
14. Томашевский Б.В. Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956.
15. Указ от 13 марта 1801 г. «О подтверждении полицейским чиновникам, чтобы они из границ должностей своих не выходили» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 19799.
16. Указ от 2 апреля 1801 г. «Об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел, производящихся оной, в Сенате» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 19813.
17. Указ от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пытки» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 20022.
18. Указ от 5 июня 1801 г. «Об управлении Комиссией составления законов графу Завадовскому» // ПСЗРИ. С. I. Т. XXVI. № 19904.
19. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Тома I–XII. 1770.

О призвании нашего времени к кодификации законодательства (с позиций Ф.К. фон Савиньи)

*Беляева Ольга Маратовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук
olga.beliaeva@mail.ru*

Ф.К. Савиньи стремился доказать ошибочность устоявшегося тезиса, что право создается законодателем. Право не зависит от случая или произвола. Право любого народа складывается исторически, так же как язык народа или его нравы. Следовательно, реформы права должны происходить постепенно, а законодатель не вправе одновременно сломать веками создаваемую правовую систему и навязать народу чуждые ему законы и устои. Законодатель правомочен фиксировать лишь то, что уже сложилось как право. Право с точки зрения представителей исторической школы права (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Ф. Пухта) есть продукт народного духа, народного убеждения, а главное — является следствием исторического опыта народа. Представители исторической школы права считали судью выше законодателя, а принадлежащие обществу нравы и обычаи важнее «рационально-спекулятивных» писанных законов.

Ключевые слова: кодификация законодательства, народный дух, историческая школа права, римское право, Германское гражданское уложение 1896 г.

Mission of our Time to Codify Legislation (from the Standpoint of F.K. von Savigny)

*Belyaeva Olga M.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University,
Candidate of Legal Sciences*

F.K. von Savigny tried to prove the wrong character of longstanding thesis that law is made by a lawgiver. Law does not depend on occasion or arbitrariness. Any national law is being formed historically as well as the nation's language or its mores. Therefore, law reforms must be implemented gradually; a lawgiver has no right to destroy in a moment the legal system having been formed for many centuries and to dictate the nation alien laws and principles. A legislator is competent just to fix the things that have already been produced as law. The representatives of the historical school of law (G. Gugo, F.K. von Savigny, F. Puchta) think that law is the product of national spirit, national believes. They think that law is the result of the national historical experience. The representatives of the historical school of law considered a judge to be more important than a lawgiver, and social usages and natures to be more important than "rational and speculative" written laws.

Key words: law codification, national spirit, the historical school of law, Roman law, the German civil code of 1896.

Фридрих Карл фон Савиньи (1779–1861 гг.) — профессор Берлинского университета, представитель исторической школы права, автор концепции поэтапного развития национального права.

В 1810 г. в только что основанном Берлинском университете Савиньи занял кафедру, а уже в 1812 г. (в возрасте 33 лет) стал ректором Берлинского университета. Именно здесь, в этом университете, Савиньи читал лекции К. Марксу, студенту юридического факультета.

Савиньи был судьей, членом Государственного совета Пруссии, а с 1842 по 1848 г.

занимал пост министра юстиции (законодательства) Пруссии. Савиньи принимал непосредственное участие в разработке проектов Уголовного кодекса Пруссии и Единого германского вексельного устава. Савиньи нередко называют «Кантом юриспруденции», основателем исторической школы права и даже «современной немецкой юридической науки», которая в первой половине XIX в. пришла на смену прежним естественно-правовым учениям и стала заниматься систематическим юридико-догматическим исследованием позитивного права, его источников,

методов анализа, понятийного аппарата и проч., т.е. юриспруденцией, позднее охарактеризованной крупным немецким юристом Р. Иерингом как «юриспруденция понятий» [7, с. 437].

Основные работы: «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению» (1814), «История римского права в Средние века» в 6 томах (1815–1831), «Система современного римского права» в 8 томах (1840–1849), «Обязательственное право» в 2 томах (1851–1853).

Савиньи отвергал теорию естественного права и ее постулат о разуме как главном источнике права, утверждая, что право связано историей народа, привязано к его историческим особенностям. Право является выражением «народного духа» (*der Volkerggeist*), некоей правовой идейной традицией. Право — это всегда историческое проявление безличного народного духа, народного сознания, это органический продукт тайных внутренних, исподволь действующих сил. Иными словами, право — это не произвольный, субъективный продукт законодателя, а результат исторического опыта народа, сложившийся зачастую стихийно, спонтанно, чаще — длительно и «органично»: «право имеет совершенно различное происхождение — как под влиянием случая, так и человеческого произволения, рассуждения и мудрости». Право всегда связано с судьбой определенного народа и имеет присущую данному народу специфику. «...Эта органическая взаимосвязь права с существом и характером народа также проявляет себя на протяжении времен и также в этом сравнима с языком».

Развитие права осуществляется как стихийный процесс развертывания народного духа во времени и пространстве, который имеет собственную логику и подчиняется внутренней необходимости.

Категорией «народный дух» Савиньи как раз и обозначил ту неразрывную связь, которая существует между правом и национальной культурой. Представители исторической школы права, в том числе и Савиньи, пришли к выводу: нет права вообще, есть исторически сложившееся право того или иного народа.

При этом обычное право обладает верховенством по отношению к положительным (позитивным) законам. Обычное право органично связано с общим убеждением народа, адекватно условиям его жизни, а потому

способно эффективно регулировать общественные отношения [6, с. 378]. Представители исторической школы считали судью и практика-юриста выше законодательства и законодателя, а принадлежащие сообществу нравы, обычаи и моральные представления важнее «рационально-спекулятивных» писанных законов [10, с. 209–210]. Законы, кодексы — это лишь вторичный источник права в сравнении с обычаем и правосознанием юристов [2, с. 419].

Как мы видим, историческая школа права чрезмерно преувеличивала место обычая в системе нормативного регулирования общественных отношений, ставя его над законом.

Именно поэтому Савиньи считал кодификацию права всегда вредной и излишней — ее нельзя произвольно навязывать народу, поскольку она пренебрегает его правовыми представлениями и наносит удар по органическому развитию права [6, с. 378].

Савиньи подчеркивал, что невозможно копированием и повторением римского права создать какое-то новое или самобытное национальное право. Задачу немецкой юриспруденции он видел не в бесплодных копированиях римского или современного зарубежного права, а в надлежащей свободной и последовательной научной разработке того исторически данного правового материала, как это делали в свое время римские юристы [7, с. 438].

Право в своем историческом развитии проходит три этапа, утверждал Савиньи. Первоначально право возникает в сознании народа как «природное право». Это право всегда имеет национальную специфику подобно языку и политическому устройству любого народа. С развитием народной культуры усложняется и право, оно начинает обособленно жить в сознании юристов — так появляется научное право. Юристы выступают не творцами права, а лишь выразителями народного духа, они вырабатывают юридические понятия, обобщая то, что уже возникло на практике. И наконец, последний этап в развитии права — это стадия законодательства. При этом юристы подготавливают законопроекты, облекая в форму статей закона то, что уже произведено народным духом [3, с. 372]. Соответственно Савиньи выделяет две главные стадии в развитии права: стадию естественного права (*naturliches Recht*) и стадию ученого права (*gelehrtes Recht*).

«Всякое право возникает путем обычая, т.е. вытекает из нравов и из народных верований, а потом из науки права; следовательно, всегда из внутренних, незаметно действующих сил, а не из произвола законодателя».

Савиньи выступал против законодательного творчества, считая, что законодатель не может творить нормы права по своему собственному усмотрению, его задача лишь законодательно выразить «убеждения народа» (*Volksüberzeugung*), народное правосознание. Как мы видим, Савиньи все же окончательно не отрицает роли юристов в разработке права. Вместе с тем считать государство субъектом права — это заблуждение, так как государственная воля только выявляет правовое правило, но не создает его. «Позитивное право живет в общем сознании народа, и, следовательно, мы должны его назвать также народным правом». Народ — вот истинный субъект права и его творец.

«Задача правителей... признавать право, существующее независимо от них. Живущее в народе право есть единственно разумное. Ставя на место его свой произвол, они поступают вопреки своему призванию».

Кодификацию Савиньи объявляет делом более поздней стадии развития права. Исходя из этого, Савиньи находит положения о кодификации гражданского права в Германии несвоевременными и даже поспешными. В историю права Германии вошел спор Савиньи с профессором Гейдельбергского университета А.Ю. Тибо о создании Гражданского кодекса Германии.

В 1814 г. вышла в свет книга «О необходимости всеобщего гражданского права в Германии», в которой Тибо призывает в самые короткие сроки создать единый Гражданский кодекс Германии, который бы базировался на тех же рациональных началах, что и Французский гражданский кодекс 1804 г. (Кодекс Наполеона). А. Тибо призывает к унификации немецкого земского права (*Landsrecht*) — права, действовавшего на территории отдельных княжеств и представляющего собой массу противоречивых и разрозненных положений, лишь способствующих разобщенности страны. На что Савиньи отвечает работой «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению», где отмечает, что немцы «не доросли до создания свода законов» и «стремление одним ударом сверху улучшить наше юридическое состояние» чревато пагубными последствиями.

Так, Тибо полагал, что можно создать национальный немецкий кодекс, который будет доступен любой «посредственной голове». Савиньи же в политически раздробленной Германии не видел единообразно подготовленных юристов, подобных римским юристам времен Папиниана, которые смогли бы разработать этот кодекс: «Следовательно, свод законов должен создаваться не коллегиально, а одним автором, если мы не хотим, чтобы этот свод законов был чисто механическим соединением, чем-то мертворожденным и, следовательно, абсолютно непригодным» [5, с. 248].

Стоит отметить, что Савиньи не отрицал возможности и необходимости кодификации, но лишь после создания в Германии единой «органично развивающейся правовой науки». Кодификация видится Савиньи сложной и требующей высокой степени единства задачей, которую нельзя выполнить при нынешнем противоречивом состоянии правосознания ученых-юристов. Савиньи четко осознавал, что при феодальной раздробленности Германии начала XIX в., при которой не было общей государственной власти и единой политической системы, невозможно установить общее для всей страны гражданское право. Перенять же кодекс Франции с небольшими изменениями Савиньи не хотел, более того, относился к этому шагу крайне враждебно, так как, являясь приверженцем исторической школы права, выступал за самобытное немецкое национальное право и его самостоятельное развитие.

Савиньи с возмущением отмечает: «Тибо полагает, что создание предлагаемого свода законов можно закончить через два, три, четыре года и что это будет не просто вспомогательный материал, а солидное произведение, достойное того, чтобы его, как святыню, могли унаследовать грядущие поколения, и что в будущем достаточно будет внести в него лишь незначительные исправления», и приводит примеры подобных поспешных кодификаций — Французский гражданский кодекс 1804 г., Прусское земское уложение 1794 г. и Австрийское всеобщее уложение 1811 г. В их содержании Савиньи обнаружил важные изъяны, а главное — постоянное подражание возможности юстиции заново творить право, следуя то фикциям «естественного права», то аналогии, то «правовым понятиям». Именно с этим была связана главная политико-юридическая мысль рас-

суждений Савиньи: его время не готово к кодификации, а значит, лучше не «портить» старого, веками органично формировавшегося «народного права» [4, с. 446]. Савиньи пишет: «...нынешнее время не имеет призвания предпринять уложение». Современный невысокий уровень правовой науки не позволяет в настоящее время создать совершенную с точки зрения юридической техники национальную кодификацию.

Савиньи пишет: «К несчастью, весь XVIII в. в Германии был весьма бедным на великих юристов. Правда, встречалось множество прилежных мужей, которые делали очень ценные подготовительные работы, но дело редко шло дальше этих подготовительных работ. Юристу необходимо двоякое понимание: историческое, чтобы четко понимать своеобразие каждой эпохи и каждой правовой формы, и систематическое, чтобы видеть каждое понятие и каждое положение в живой связи и взаимодействии с целым, т.е. в отношении, которое является единственно верным и естественным. У юристов XVIII в. это двоякое научное понимание встречается чрезвычайно редко, и на них оказывали неблагоприятное влияние, прежде всего разнообразные плоские устремления в философии» [9, с. 151].

Ответственность за неудовлетворительное «юридическое развитие целой эпохи» Савиньи возлагает на школу естественного права, господство которой привело к тому, что в университетах не изучалось римское право в его подлинном историческом виде. Как следствие этого образцовые методы теоретической и практической оценки правовых ситуаций, в совершенстве разработанные римскими юристами, были забыты, что обусловило разрыв между теорией и практикой.

Слова Савиньи оказались не пустыми предупреждениями — первое Германское гражданское уложение было издано лишь в 1896 г., почти век спустя, и несмотря на то что кодекс стал результатом длительных законодательных работ и изысканий, имел множество нареканий со стороны юридического сообщества. Так, немецкий правовед Отто Гирке писал: «Он является абстрактным немецким языком юристов, больше перевод, чем прототип, непопулярен и для профана совершенно непонятен, ему недостает силы и глубины, чувственной наглядности, убедительного красноречия, он часто доктринален, педантичен, запутан и, кроме того, тривиа-

лен, поверхностен, монотонен. Надо с сожалением сказать, что ни одному еще другому кодексу не был так чужд характер народного законодательства, как этому» [5, с. 220].

В зарубежной юридической литературе Ф.К. Савиньи часто называют «королем германского правоведения XIX в.». Его учение об абстрактных обязательствах и двусторонних договорах стало ядром германского обязательственного права. Многие из его идей не потеряли своей актуальности и в настоящее время [4, с. 248–249]. Традиции исторической школы права нашли отражение в современных правовых системах (ФРГ, Швейцарии), рассматривающих закон и обычай как два источника права одного порядка.

По представлению русского правоведа Б.А. Кистяковского, спор между Савиньи и Тибо «ознаменовал окончательный упадок идей естественного права» и «привел к торжеству новой школы права — исторической» [4, с. 251].

В течение нескольких десятилетий первой половины — середины XIX в. научные традиции и проблематика исторической школы права в основном определяли содержание правовых исследований и в России, поскольку влияние германской науки на молодую отечественную юриспруденцию в XIX в. было чрезвычайно велико. Так, в 1829 г. в Берлин на обучение к Ф.К. Савиньи были откомандированы К. Неволин, С. Богорцкий, Л. Благовещенский, В. Знаменский, С. Орнатский. Именно с историко-юридических исследований в 50–60-е годы начинали свою научную деятельность почти все, ставшие впоследствии известными профессорами (С.В. Пахман, Д.И. Мейер, И.Е. Энгельман, К.Д. Кавелин, Н.Л. Дювернуа и др.) [2, с. 419–420].

Ближайшими последователями Савиньи были известные немецкие правоведы и литераторы Я. и В. Гримм — составители знаменитого «Словаря немецких юридических древностей» (и не менее известного сборника «Сказок»), историк права К. Эйхгорн (вместе с ним Савиньи издавал «Журнал исторической юриспруденции»). В общеправовом отношении стремления исторической школы находили соответствия в распространенной тогда среди интеллектуальной элиты теории идеалистического «романтизма» Ф. Шеллинга [9, с. 434].

Между тем, получив всеобщее признание в академических кругах, Ф.К. Савиньи как за-

конодатель вызывал в прусском обществе крайнее недовольство. Он не признавал ни равноправия национальностей, ни гражданского брака, сводил к минимуму число поводов к разводу, отвергал институт присяжных, защищал смертную казнь и телесное наказание и т.д. По общему мнению, его «умеренная постепенность» в правовом разрешении накопившихся проблем стала тормозом в развитии общества» [8].

Во второй половине XIX в. историческая школа права утрачивает ведущие позиции в науке, и на смену ей приходят юридический позитивизм, нормативистская теория права и теория насилия. Окончательный удар исторической школе права был нанесен Р. фон Иерингом и его реалистической теорией права, отводящей первостепенную роль в создании права законодателю. Иеринг следующим образом описывает историческую школу права: «...усматривающая спасение юриспруденции в филологическом изучении антиквариата, чуждая всякой философии и пытающаяся сдерживать свободное развитие современности с целью увековеченья однажды существующего положения» [1, с. 73]. «Деятельность исторической школы ограничивалась и ограничивается почти только историко-догматической обработкой прав, имеющих силу в Германии, а

именно римского и германского частного права; она не стала универсальной историей права и философией школы» [1, с. 81].

Литература

1. Иеринг Р. фон. Историческая школа права // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011.
2. История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2006.
3. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2009.
4. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование, 2005.
5. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. М.: Высшее образование; Юрайт-Издат, 2009.
6. Мухаев Р.Т. История политических и правовых учений. М.: Юрайт, 2013.
7. Нерсеянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2007.
8. Нечаев В. Историческая школа права. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907.
9. Омельченко О.А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве). М.: Эксмо, 2006.
10. Рубаник В.Е., Рубаник С.А. История политических и правовых учений. М.: Волтерс Клувер, 2011.

«Экспорт конституции»: попытка создания парламентской монархии в Хивинском ханстве (1917 г.)*

*Почкаев Роман Юлианович,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук, доцент
ropot@mail.ru*

В статье рассматривается попытка Временного правительства изменить форму правления в Хивинском ханстве летом — осенью 1917 г., анализируется содержание проекта «Основных законов Хивинского ханства», рассматриваются причины, по которым проект оказался неактуальным и не был претворен в жизнь.

Ключевые слова: Российская империя, Хивинское ханство, революция 1917 г., Временное правительство, Туркестанский комитет, Основные законы, парламентская монархия, конституционный проект.

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00322.

“Export of Constitution”: Attempt to Create a Parliamentary Monarchy in the Khiva Khanate (1917)

Pochekaev Roman Yu.,

*Head of the Department of Theory and History of Law and State
of the National Research University “Higher School of Economics”,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Article devoted to attempt of the Provisional Government to change the form of government in the Khivan Khanate in summer — autumn 1917. Author analyzes the content of the project of “Basic Laws of Khivan Khanate”, he examined the reasons of inefficiency of the project and impossibility of its realization.

Key words: *Russian Empire, Khivan Khanate, revolution of 1917, Provisional Government, Turkestan Committee, basic laws, parliamentary monarchy, constitutional project.*

Среди основных направлений деятельности большевиков, пришедших к власти в России в октябре 1917 г., не последнее место занимал так называемый экспорт революции, в ходе которого они пытались установить аналогичный строй в других государствах. На этом направлении они преуспели в бывших протекторатах Российской империи — Бухарском эмирате и Хивинском ханстве: в 1920 г. при поддержке РСФСР в ханствах произошли революции, в результате которых были провозглашены Бухарская и Хорезмская народные республики, в 1924 г. вошедшие в СССР.

Эти события неоднократно исследовались, но гораздо меньше известны попытки сохранения контроля над Бухарой и Хивой, предпринимавшиеся Временным правительством. По аналогии с «экспортом революции» их можно назвать «экспорт конституций» и рассмотреть на примере проекта «Основных законов Хивинского ханства», разработанных Туркестанским комитетом Временного правительства в августе — сентябре 1917 г.

Этот проект кратко упоминается исследователями революционных событий в Средней Азии, рассматривающими его лишь как источник по «национальной политике Временного правительства»¹, а правового анализа документа не предпринималось. Между тем он представляет собой весьма интересный памятник конституционного права: в нем причудливым образом соединялись элементы конституционного права Российской империи, особенности местных

политико-правовых традиций, предложения реформ и меры по сохранению протектората России над Хивой. Ниже предпринимается попытка выявить и охарактеризовать соответствующие положения данного юридического памятника. Хивинское ханство с 1873 г. стало протекторатом Российской империи, что, впрочем, устраивало правителей ханства, поскольку являлось гарантией того, что империя будет оказывать им поддержку в сохранении власти и борьбе с мятежными подданными — племенами туркмен, нередко выступавшими против ханов.

В марте 1917 г. до Туркестана и среднеазиатских ханств дошли известия о революционных событиях в России. Вскоре был упразднен пост туркестанского генерал-губернатора, вместо него появился Туркестанский комитет Временного правительства. В Хиве революционные события также нашли отражение: в марте же в русском гарнизоне (который был оставлен здесь после подавления последнего туркменского восстания 1916 г.) был создан Совет солдатских депутатов, фактически не подчинявшийся ни начальнику гарнизона, ни вскоре прибывшему в Хиву комиссару Временного правительства генералу М. Мирбадалову².

Положение Хивинского ханства в этот период весьма беспокоило российские власти: шла Первая мировая война, и в ханстве активно действовали представители германской и турецкой разведок, стараясь перетянуть Хиву в стан противников России (впрочем, аналогичные действия предпринимались в это же время и в отношении других российских «национальных окраин»,

¹ См., например: Погорельский И.В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917–1924 гг. Л., 1984. С. 70; Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972. С. 185.

² См.: Погорельский И.В. История Хивинской революции... С. 63.

в частности Финляндии³). Поскольку иностранные агенты поддерживали претензии на власть мятежного предводителя туркмен Джунаид-хана, легитимный хан Исфендиар мог удержаться у власти лишь благодаря России.

Новые власти Туркестана понимали, что перемены в России неминуемо найдут отражение в Хиве, и осознавали необходимость реформ в нем. Уже в апреле 1917 г. представитель Временного правительства убедил Исфендиара в необходимости созыва представительного органа — межлиса депутатов, причем если поначалу он был чисто узбекским, то вскоре (по настоянию вышеупомянутого генерала Мирбадалова) в его состав было включено семь туркмен (из 53 депутатов)⁴. Большинство в межлисе принадлежало хивинским реформаторам — джадидам (младохивинцам), сформировавшим правительство при хане. Однако вскоре они утратили поддержку населения из-за половинчатости мер и националистической (проузбекской) политики. Уже в мае хан отправил правительство в отставку и начал репрессии против джадидов, которые обратились за поддержкой к Временному правительству, однако российские власти, не желая портить отношений с ханом, ограничились лишь тем, что согласились предоставить вождям младохивинцев убежище в российских владениях. В результате летом 1917 г. джадиды стали сближаться с Советом солдатских депутатов в Хиве, призывая его оказать помощь в свержении ханского режима⁵.

В этих условиях Туркестанский комитет Временного правительства принял ре-

шение убедить хана Исфендиара официально разделить власть с выборными органами, т.е. установить в Хиве парламентскую монархию. Комиссар Сырдарьинской области полковник Б.П. Тризна (вскоре сменивший Мирбадалова в качестве комиссара в Хиве) предложил проект хивинской конституции, который был одобрен на заседании Туркестанского комитета 11 августа и опубликован в «Туркестанских ведомостях» за 29 августа и 8 сентября 1917 г.⁶

Само название проекта, «Основные законы Хивинского ханства», напоминает о российском конституционном акте начала XX в. — «Основных государственных законах» от 23 апреля 1906 г.⁷ Конечно же это не просто совпадение: Туркестанский комитет возглавлял известный востоковед В.П. Наливкин, провозглашавший себя социал-демократом (он был депутатом II Государственной Думы от Туркестанского края) и сторонником Временного правительства, но прежде всего он был имперским чиновником, занимавшим ряд ключевых постов в Туркестане (вышел в отставку с должности вице-губернатора Ферганской области)⁸. Для него «Основные государственные законы», предусматривавшие весьма умеренные конституционные реформы, являлись подходящим образцом для конституции Хивинского ханства.

Обратившись к тексту «Основных законов Хивинского ханства» 1917 г.⁹, можно обнаружить немало почти дословных совпадений с «Основными государственными законами» 1906 г. Приведем несколько примеров (курсивом приводятся статьи акта 1906 г.):

Статья 2. «Сила законов равно обязательна для всех хивинских подданных без различия их общественного положения и пола». *Статья 43. «Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских*

³ См. подробнее: Юрченко Е.С. Проблема независимости Финляндии 1917–1918 гг. Внешний фактор // История государства и права. 2016. № 2. С. 32–37. Интересно отметить, что П.Г. Галузо опубликовал «Основные законы Хивинского ханства» вместе с документами Временного правительства о правовом статусе Финляндии. См.: Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 56–71.

⁴ Пылев А.И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005. С. 102.

⁵ См. подробнее: Зиманов С. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976. С. 67–68 ; Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л., 1968. С. 133.

⁶ Погорельский И. В. История Хивинской революции... С. 69–70.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. I. СПб., 1909. № 27805. С. 456–461.

⁸ Котюкова Т.В. Антипод «человека в футляре». Воспоминания о В.П. Наливкине // Восточный архив. 2010. № 1 (21). С. 76–77 ; Лукашова Н. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 52–54.

⁹ Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства. С. 74–79.

подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих».

Статья 4. «Каждый закон имеет силу только на будущее время». *Статья 47. «Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее, или что он есть только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего».*

Статья 49. «Хивинские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать натуральные повинности». *Статья 29. «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона».*

Статья 50. «За преступное деяние каждый преследуется только в установленном законом порядке». *Статья 30. «Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном».*

Статья 51. «Никто не может быть задержан под стражей иначе, как в установленном законом порядке». *Статья 31. «Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных».*

Статья 52. «Жилище каждого неприкосновенно. Производство в доме, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается только в случаях, законом определенных». *Статья 33. «Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных».*

Статья 53. «Каждый хивинский подданный имеет право свободно избирать себе место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы ханства, если для всего этого не установлено законом ограничений». *Статья 34. «Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы Государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами».*

Статья 55. «Собственность неприкосновенна. Когда это необходимо для ханства, то принудительное отчуждение земель производится по закону». *Статья 35. «Собственность неприкосновенна. Принудительное*

отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение».

Статья 56. «Хивинские подданные имеют право устраивать собрания мирно и без оружия». *Статья 36. «Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия...»*

Статья 57. «Каждый может высказать свои мысли печатно и устно и распространять их разными способами в пределах, ограниченных законом». *Статья 37. «Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами».*

Статья 58. «Хивинские подданные имеют право образовывать общества и союзы в пределах, ограниченных законом». *Статья 38. «Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях не противных законам...»*

Как видим, большинство «калькируемых» норм связано с институтом прав и свобод, которые конечно же не получили никакого развития в Хиве ни до разработки рассматриваемого проекта, ни даже после него. Понадобилось еще не менее десятилетия тесного взаимодействия с РСФСР, чтобы этот конституционно-правовой институт был понят и принят в Средней Азии, и его принципы нашли отражение в местном конституционном законодательстве¹⁰.

Однако не следует считать хивинскую конституцию просто «калькой» с акта 1906 г.: ее авторы постарались учесть специфику восточного мусульманского государства. Так, ст. 1 «Основных законов Хивинского ханства» гласила: «Хивинское ханство управляется на основании шариата и законов, изданных в установленном порядке», а ст. 11 — что «хан осуществляет свою власть на точном основании шариата и справедливости с тем, чтобы каждый житель ханства под покровительством шариата и закона спокойно жил и пользовался трудами рук своих». Так, авторы проекта подчеркивали,

¹⁰ См., например: Диноршоев А.М. Формирование идей прав человека в Конституции Таджикской АССР 1929 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 65–68.

что не собираются посягать на религиозные убеждения местного населения.

Статья 16 предоставляла хану право хана выбрать премьер-министра, что в полной мере совпадало с его прежним правом назначения везира. Статья 13 закрепляла право хана «творить суд в ханстве, разбирая дела в случае обращения к нему обеих сторон», а статья 40 включала в состав кабинета министров также и «казикалляна (шейх-уль-ислама)», т.е. верховного судью ханства, что отражало характерную для государств Востока неразделимость исполнительной и судебной власти.

Среди прав хивинских подданных, «скопированных» с российского образца, отсутствовала свобода веры (ст. 39 «Основных государственных законов» 1906 г.): это противоречило бы ст. 1. В число обязанностей не была включена «защита престола и отечества» (ст. 28 акта 1906 г.): совсем недавно, летом 1916 г., в Средней Азии произошло мощное восстание, предлогом для которого стал императорский указ о призыве местного населения (официально освобожденного от воинской повинности) на тыловые работы. Несомненно, авторы проекта не захотели рисковать: подобная норма могла быть воспринята как намерение российских властей привлечь хивинцев к участию в боевых действиях и еще больше обострить обстановку в ханстве.

Наши отражение в проекте и конкретные предложения по реформам в Хиве. Ст. 3 гласила, что законы должны быть одобрены меджлисом (из 50 депутатов) и утверждены ханом. Проект подробно регламентировал статус депутатов меджлиса, права, обязанности, а также ответственность за невыполнение функций — вплоть до лишения вознаграждения за пропущенные дни (гл. III). Отметим, что авторы не включили в окончательную редакцию предложение Б.П. Тризны о том, что в случае повторного отклонения ханом законопроекта, предложенного меджлисом, хан вправе распустить меджлис и объявить новые выборы¹¹.

Принципиально новым положением стало назначение жалованья для представителей исполнительной и судебной власти (ст. 16, 36), тогда как раньше обладатели этих должностей обеспечивались по системе

«кормления», злоупотребляя своими правами и разоряя население. Статья 35 предусматривала ответственность министров перед меджлисом, а ст. 48 — предание высших государственных чиновников особому суду (ранее все должностные преступления разбирались самим ханом).

Внимание исследователей уже привлекали положения о том, что главы региональной администрации, беки, должны были соотносить свои действия с выборными местными советами — «шуракомами» (ст. 43–45)¹². На наш взгляд, это — своеобразный «реверанс» Туркестанского комитета в сторону Советов народных и солдатских депутатов, демонстрация желания сотрудничать с ними. Однако текст статей показывает, что авторы проекта не имели четкого представления о статусе советов, которые в их интерпретации как бы совмещают функции и местного самоуправления, и регионального органа законодательной власти, и совещательного органа при главе местной администрации.

Ряд статей «Основных законов» отражает намерение российской администрации сохранить контроль над вассальным государством. Статьи 3, 10 подчеркивают, что хан вправе осуществлять, если он признан российским правительством. Согласно ст. 9, положения конституции «не могут быть изменены ни по требованию хана, ни по требованию меджлиса, если на это не последует согласия российского правительства». По ст. 32 решение хана о роспуске меджлиса должно быть одобрено комиссаром российского правительства. Согласно ст. 48, суд над высшими сановниками ханства (министрами, председателем меджлиса, беками) должен осуществляться «под председательством лица, назначенного российским правительством, и имеющему в своем составе не менее половины членов не-туземцев». Отметим, что вместе с проектом «Основных законов» было разработано «Положение о комиссаре Временного Правительства Российской державы в Хиве»¹³, который должен был обеспечивать проведение реформ в ханстве.

13 сентября проект конституции был направлен в Юридическое совещание при Вре-

¹¹ См.: Зиманов С. От освободительных идей... С. 130.

¹² См.: Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. С. 186.

¹³ Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства. С. 72–74.

менном правительстве в Петрограде, где его получили лишь 5 октября. Из-за последующих событий он не был рассмотрен и, соответственно, не вступил в силу. Но исследователи справедливо утверждают, что «Основные законы» и так не удовлетворяли политические круги Хивы и поэтому даже в случае введения в действие оказались бы неэффективными¹⁴.

Другой причиной «нежизнеспособности» конституционного проекта стало как отсутствие у новых российских властей четкого представления о государственном строе самой России, так и нежелание правящей элиты ханства что-то менять. Так, «экспорт конституции» имел место в Японии в эпоху Мэйдзи (1860–1880-е годы) и увенчался успехом, поскольку и европейские державы (Франция, Германия) к этому времени имели опыт конституционного развития, и сам японский император был нацелен на реформы¹⁵. Хивинский же хан Исфендиар выглядел реформатором лишь в глазах российских властей, тогда как собственные подданные (в особенности младохивинцы) считали его тираном и связывали реальные преобразования в Хиве исключительно со свержением ханского режима¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 49, 71.

¹⁵ См.: Еремин В.И. История правовой системы Японии. М., 2010. С. 174, 200–210 ; Красавцев Л.Б. Опыт государственного переустройства Японии в период «догоняющей» модернизации Мэйдзи // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 74–79.

¹⁶ См., например: Непесов Г. Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917–1936 гг.), Ашхабад, 1950. С. 81–82.

Литература

1. Галузо П. Из истории национальной политики Временного правительства // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 46–79.
2. Еремин В.И. История правовой системы Японии. М., 2010.
3. Диноршоев А.М. Формирование идей прав человека в Конституции Таджикской АССР 1929 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 65–68.
4. Зиманов С. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976.
5. Котюкова Т.В. Антипод «человека в футляре». Воспоминания о В. П. Наливкине // Восточный архив. 2010. № 1 (21). С. 76–89.
6. Красавцев Л.Б. Опыт государственного переустройства Японии в период «догоняющей» модернизации Мэйдзи // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 74–79.
7. Лукашова Н. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 36–57.
8. Непесов Г. Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917–1936 гг.), Ашхабад, 1950.
9. Погорельский И.В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917–1924 гг. Л., 1984.
10. Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л., 1968.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. I. СПб., 1909.
12. Пылев А.И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005.
13. Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972.
14. Юрченко Е.С. Проблема независимости Финляндии 1917–1918 гг. Внешний фактор // История государства и права. 2016. № 2. С. 32–37.

Анализ законодательства Германии периода Второй мировой войны с точки зрения нормативного закрепления общепризнанных норм международного права

*Полунин Сергей Викторович,
начальник кафедры конституционного и административного права
Новосибирского военного института
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
полковник юстиции
s-polunin@list.ru*

Содержание статьи основано на нормах законодательства Германии предвоенного периода и периода Второй мировой войны, содержащего нормы международного права. На основе анализа законодательства выясняются причины неприменения норм международного права по отношению к советским военнопленным.

Ключевые слова: война, Германия, Вермахт, Красная армия, законодательство, нормы международного права, военнопленные.

Analysis of the German Law during the Second World War in Terms of Normative Consolidation of Universally Recognized Norms of International Law

*Polunin Sergey V,
Head of the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Novosibirsk military institute of the Internal Troops named
after general of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Colonel of Justice*

The content of the article is based on the rule of law in Germany of the prewar period and the period of World War II, containing rules of international law. Based on the analysis of the legislation are clarified the reasons for not applying international law in relation to the Soviet prisoners of war.

Key words: War, Germany, the Wehrmacht, the Red Army, law, international law, prisoners of war.

Войны сопровождали человечество на всем протяжении его развития. Историки подсчитали, что начиная с 3600 г. до н.э. и по настоящее время человечество участвовало более чем в 15 000 войн. Мир на этом промежутке времени существовал всего 292 года. В стремлении минимизации негативных последствий вооруженных конфликтов человечество выработало правила ведения войны, представляющие собой систему правовых принципов и норм, регулирующих применение средств и методов вооруженной борьбы, а также ответственность государств и физических лиц за их нарушение. Правила ведения войны были сформулированы на межгосударственном уровне и получили свое нормативное закрепление соответствующими международными договорами (соглашениями) и национальными правовыми системами.

В настоящее время активно дискутируется вопрос о причинах игнорирования Германией в период Второй мировой войны норм международного гуманитарного права. Зачастую в научной и публицистической литературе встречаются достаточно противоречивые мнения. Следует иметь в виду, что извращенное преподнесение или сокрытие исторических фактов являются частью информационной войны, характеризующей современный этап развития человечества. Анализ информации, содержащейся в архивных источниках, позволяет дать объективную оценку историческим событиям и аргументированно противодействовать фальсификации истории.

Рассматривая заявленную проблему, следует обратиться, прежде всего, к источникам национального права Германии. В соот-

ветствии со ст. 4 Конституции Германского Рейха¹ общепризнанные положения международного права являлись обязательными частями германского права. Ратифицированные Германией 21 февраля 1934 г. положения Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. нашли свое нормативное закрепление в воинских уставах, приказах. Так, уставом дисциплинарных наказаний (WDStO) было закреплено, что «в отношении раненых и больных военнопленных нормы WDStO распространяются с учетом международно-го соглашения о лечении военнопленных от 27.07.1929»². Денежной книгой (Geldentbuch), являвшейся, по существу, солдатской книжкой и имевшейся у каждого немецкого солдата, были предусмотрены «10 заповедей немецкого солдата по ведению войны». «Заповеди» были сформулированы на основе общепризнанных принципов и норм международного права (нельзя убивать противника, который сдается; военнопленные не могут подвергаться плохому обращению; Красный крест является неприкосновенным; к раненым противника относиться по-человечески; гражданское население является неприкосновенным и т.д.).

Вместе с тем анализ нормативных актов военного управления Германии (указов, приказов, распоряжений) периода Второй мировой войны позволяет сделать вывод о том, что к советским военнопленным § 11 WDStO и соответствующие положения «Заповедей» не применялись. 8 сентября 1941 г. «Распоряжением об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» Верховное командование Вермахта уточнило порядок обращения с военнопленными. В приложении к журналу № 39058/41 указывалась фактическая причина нераспространения норм международного права войны на советских военнопленных — идеология: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии... Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним,

как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением»³. Так приложением к журналу № 39058/41 германское командование отказало советским пленным в покровительстве международной конвенции и в применении к ним § 11 своего устава (WDStO)⁴. Указанным приложением были также внесены изменения в порядок применения оружия: «По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности HDF 38/11 стр. 13 и т.д., в связи с этим отменяются... Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считается правомерным». На этом фоне п. 4 «Заповедей» звучит просто нелепо: «Военнопленные не могут подвергаться плохому обращению или оскорблениям»⁵.

Будет уместным заметить, что в свою очередь советское политическое руководство рассматривало немецких солдат как братьев по классу, обманутых немецким империализмом и обманом брошенных в бой против таких же пролетариев. Отсюда следовало, что с пленными следует обращаться гуманно, разъясняя им суть их ошибки⁶. Положением о военнопленных от 1 июля 1941 г. воспрещалось «оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними»⁷; в силу ст. 27 Положения за

³ Anordnungen für die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener in allen Kriegsgefangenenlagern vom 8.9.41. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?l=de&c=dokument_de&dokument=0090_gef&object=facsimile&pimage=1&v=100&nav

⁴ Полунин С.В., Шевченко И.В. Сравнительный анализ дисциплинарной практики Красной Армии и войск Вермахта в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект // Историческое наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): методология оценки и значение для профессиональной подготовки будущих офицеров внутренних войск МВД России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Новосибирск: НВИ ВВ имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2015. С. 294.

⁵ 10 Gebote für die Kriegsführung des deutschen Soldaten. URL: <http://wwii.germandocsinrussia.org/de>

⁶ Веремеев Ю. Г. Правила обращения с военнопленными в СССР (документы) // Анатомия армии. URL: <http://army.armorkiev.ua/hist/nem-plennye.shtml>

⁷ Положение о военнопленных: Приложение к Постановлению СНК СССР № 1798-800с от 1 июля 1941 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1, Д. 22. Л. 214–222.

¹ Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=de

² Wehrmachtdisziplinarstrafordnung (WDStO.) vom 6. Juni 1942. § 11.

проступки, не влекущие за собой уголовной ответственности, военнопленные подлежали дисциплинарной ответственности, при этом виды этих взысканий, порядок их наложения, а также порядок отбывания дисциплинарных взысканий определялись правилами, установленными Дисциплинарным уставом Красной армии. Распространение действия Дисциплинарного устава на военнопленных соответствовало нормам международного права. В соответствии с Инструкцией о порядке содержания военнопленных начальник лагеря в отношении военнопленных обладал дисциплинарными правами:

- а) объявлять выговор перед строем на поверке;
- б) объявлять выговор в приказе;
- в) подвергать простому аресту с содержанием на гауптвахте до 20 суток и строгому аресту до 10 суток.

Кроме того, начальник лагеря имел право лишать военнопленного, совершившего проступок, права переписки (на срок до двух месяцев) и права пользования деньгами (на этот же срок)⁸.

В дополнение к Положению о военнопленных и Инструкции о порядке их содержания в ходе войны были приняты сотни документов, регулирующих режим военного плена, статус военнопленных. Изданные приказы, директивы, распоряжения не призывали красноармейцев к расправам над военнопленными Германии или стран-сателлитов. Решения советского военно-политического руководства в основном совпадали с требованиями международного права.

В научной и публицистической литературе зачастую встречается утверждение о том, что к советским гражданам положения Женевской конвенции не применялись в связи с отказом советской стороны в ратификации соответствующего международного соглашения. В этом случае не вписываются в данную позицию положения приказа Гитлера от 18 октября 1942 г. № 003830/42 «Об уничтожении диверсантов и парашютистов»⁹, которым на нормативном уровне фактически был

наложен запрет применения норм и принципов международного права в отношении военнослужащих Англии. Так, в п. 1 приказа Гитлер упрекал в несоблюдении норм Женевского международного соглашения «членами так называемых команд вражеских стран». На фоне упоминания норм международного права особо цинично выглядят положения п. 3 этого же приказа: «Отныне во всех операциях командования немецких войск в Европе или в Африке по отношению к противнику, даже если внешне речь идет о солдате (группе солдат) в форме, как с оружием, так и без оружия — уничтожать в борьбе или при преследовании вплоть до последнего мужчины. ...Даже если эти субъекты изыскивали возможность сдачи в плен, принципиально нужно отказывать им в прощении». Другими словами, приказом были закреплены правила, запрещенные нормами международного права: война на уничтожение; пленных не брать. Из анализа содержания документа следует, что эти «вражеские страны» находились на территории Европы и Африки, а лицами, непосредственно нарушающими положения международной конвенции, являлись диверсанты англичане и их пособники. Между тем Великобритания подписала 27 июля 1929 г., а 4 февраля 1932 г. ратифицировала соответствующее международное соглашение. То есть подписание, ратификация международных соглашений не явились гарантом соблюдения норм международного права.

Приведенные данные демонстрируют, с одной стороны, закрепление норм международного права в национальном законодательстве Германии, а с другой — установление на подзаконном уровне нормативных предписаний о несоблюдении или прямом нарушении международных норм под угрозой наказания (см. п. 6 приказа Гитлера от 18.10.42 г. № 003830/42¹⁰, Р. V приложения к журналу № 39058/41 от 8.09.41 г.¹¹). Приказы Гитлера получили правовую оценку международного трибунала в г. Нюрнберге как преступные.

Таким образом, неподписание советской стороной Женевской конвенции или отсут-

⁸ Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД: введена в действие приказом НКВД СССР № 001076 от 7 августа 1941 г. П. 60 // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 12, Л. 313–320.

⁹ Befehl über die Vernichtung von Kommandotrups und Fallschirmspringern [„Kommandobefehl“] vom 18. Oktober 1942.

¹⁰ Befehl über die Vernichtung von Kommandotrups und Fallschirmspringern [„Kommandobefehl“] vom 18.10.42.

¹¹ Anordnungen für die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener in allen Kriegsgefangenenlagern vom 8.9.41.

ствие ее ратификации не являлись причинами антигуманного поведения военнослужащих немецко-фашистских войск. В свою очередь, подписание и ратификация международных соглашений и сегодня не являлись абсолютным гарантом соблюдения норм международного права.

Литература

1. Веремеев Ю.Г. Правила обращения с военнопленными в СССР (документы) / Ю. Веремеев / Анатомия армии. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/nem-plennye.shtml>
2. Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД : введена в действие приказом НКВД СССР № 001076 от 7 августа 1941 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп.12. Д. 205. Т. 12. Л. 313–320.
3. Положение о военнопленных : приложение к Постановлению СНК СССР № 1798-800с от 1 июля 1941 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 22. Л. 214–222.
4. Подунин С.В., Шевченко И.В. Сравнительный анализ дисциплинарной практики Красной Армии и войск Вермахта в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект // Историческое наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): методология оценки и значение для профессиональной подготовки будущих офицеров внутренних войск МВД России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Новосибирск : НВИ ВВ имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, 2015. С. 292–299.
5. Anordnungen für die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener in allen Kriegsgefangenenlagern vom 8.9.41. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?l=de&c=dokument_de&dokument=0090_gef&object=facsimile&pimage=1&v=100&nav
6. Befehl über die Vernichtung von Kommandotrupps und Fallschirmspringern [„Kommandobefehl“]. URL: <http://www.documentarchiv.de/da/fsfuehrerbefehle-fuehrererlasse.html>
7. Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=de
8. Wehrmachtdisziplinarstrafordnung (WDStO.) vom 6. Juni 1942. Friedrich A. Wordel Verlag / Leipzig. 1943. 689 S.
9. 10 Gebote für die Kriegsführung des deutschen Soldaten. URL: <http://wwii.germandocsinrussia.org/de>

Теоретико-методологические аспекты изучения источников права XVII века в советской историко-правовой историографии

*Ельчанинова Ольга Юрьевна,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Самарского юридического института ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент
olga220169_69@mail.ru*

В статье рассмотрен опыт изучения источников права XVII в. в трудах советских ученых. Автором дается характеристика направления систематизации правовых актов, результатом которой было издание сборников актов, объединенных по разным критериям.

Ключевые слова: источники права, жалованные грамоты, уставные таможенные грамоты, послушные грамоты, полные грамоты, порядные записи, указы, Земский собор.

Theoretical and Methodological Aspects of the Study of the Legal Sources of the XVII Century in the Soviet Historical and Legal Historiography

*Elchaninova Olga Yu.,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article describes the experience of studying the sources of law of the XVII century in the works of Soviet scholars. The author describes the direction of systematization of legal acts, the result of which was the publication of collections of acts, grouped according to different criteria.

Key words: sources of law, charters, charter custom certificates, charters compliant, full of letters, porjadnye records, orders, the Zemsky Sobor.

Анализ советской историографии источников права позволяет выделить основные направления исследований, проводимых в период 1917–1991 гг.: 1) теоретико-правовые исследования в рамках теории права, направленные на формирование советского учения об источниках права; 2) развитие методологии исследований источников права в рамках вспомогательных исторических дисциплин (дипломатика, источниковедение и др.); 3) историко-правовые исследования, направленные, с одной стороны, на выявление в архивах и введение в научный оборот новых источников права, с другой — на интерпретацию известных источников права с целью реконструкции событий, определенных исторических периодов развития России. В зависимости от приоритетов в выборе методов исследования в советской историко-правовой историографии можно выделить два этапа: 1) 1917 г. — середина 20-х годов XX в.; 2) середина 20-х годов XX в. — 1991 г.

На первом этапе на историко-правовую науку марксистская идеология еще не оказывала всеобъемлющего влияния, поэто-

му сохранялись дореволюционные подходы к исследованию источников права, публиковались труды по истории права, дипломатике, являющиеся логическим продолжением исследований, начатых на рубеже XIX–XX вв.¹ В это время был опубликован труд В.Ф. Тарановского, в котором приводились критерии классификации источников права². В работе А.С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатии частных актов»³ рассматривались категории источниковедения.

Вплоть до 1927 г. Археографической комиссией под редакцией С.Б. Веселовского,

¹ Ельчанинова О.Ю. Многоголосие подходов к систематизации источников русского права XVII в.: опыт исследователей дореволюционной России // История государства и права. 2015. № 13. С. 25–30.

² Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. СПб.: Типография К. Маттисена, 1917.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатии частных актов: лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом Институте в 1918 году. Пг.: 2-я Государственная типография, 1920.

В.Г. Дружинина, А.С. Лаппо-Данилевского, Л.Н. Майкова, С.Ф. Платонова продолжала издаваться серия сборников источников «Русская историческая библиотека». В 1917 г. вышли в свет 34-й и 35-й тома этого сборника, содержащие царские грамоты Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского, Михаила Федоровича, наказные грамоты, отписки и челобитные 1598–1614 гг., а также другие источники права, относящиеся к 1655–1658 гг. 38-й том был издан в 1926 г. и содержал в себе царские грамоты, отписки по международным делам середины XVII в., собранные в Тайном приказе. В 39-й том были включены правовые источники, раскрывающие положение старообрядцев в России в XVII в.

Второй этап характеризуется нивелированием со стороны государства всех теоретико-методологических направлений, альтернативных марксизму. Это проявилось особенно ярко в исследованиях довоенного периода, посвященных разработке советского учения об источниках права, проводимых Д.И. Курским, Е.Б. Пашуканисом, М.А. Рейснером, П.И. Стучкой и др.

В послевоенный период учение об источниках права, опираясь на марксистскую методологию, развивали такие выдающиеся юристы, как Н.Г. Александров, С.И. Вильнянский, С.А. Голунский, С.Л. Зивс, Д.А. Керимов, М.С. Строгович и др.

В дипломатике и источниковедении при исследовании источников русского права начинает активно применяться формулярный анализ. Например, такой источниковедческий метод исследования источников русского права применялся Л.В. Черепниным, С.М. Каштановым и др.

Наиболее полная методика формулярного анализа была разработана С.М. Каштановым в 1950–1980-х годах. В этот период им изданы такие работы, как «К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот», «Дипломатический состав древнерусского акта», «Очерки русской дипломатики», «Богословская преамбула жалованных грамот», «Русская дипломатика».

В рамках дипломатики и источниковедения в советский период активно обсуждались различные темы, относимые к исследованию источников права XVII в., например: язык и формуляр частных актов XVI–XVII вв. (В.Я. Дерягин, С.С. Волков и др.), методика изучения жалованных грамот (Н.Е. Но-

сов, А.А. Зимин, С.М. Каштанов и др.), подлинность источников права (А.А. Введенский и др.).

Большой вклад в исследование источников права XVII в. внес А.И. Андреев, ученик А.С. Лаппо-Данилевского. Среди работ А.И. Андреева можно выделить следующие: «Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI», «Описание актов, хранящихся в Постоянной историко-археографической комиссии, «Очерки по источниковедению Сибири. XVII век», «Новоторговый устав 1667 г.».

В 1950–1960-х годах был издан в трех частях сборник источников права по истории церковного землевладения в России XIV–XVII в. «Акты феодального землевладения и хозяйства». В этом сборнике представлены как публично-правовые, так и частноправовые акты (царские указные и жалованные грамоты, жалованные и уставные грамоты патриархов, правая бессудная грамота, разьежие и межевые грамоты, выписи из писцовых книг, воеводские приговоры) и частноправовые акты (духовные, купчие грамоты, записи различных землевладельцев).

В 1952–1968 гг. под редакцией С.В. Юшкова были изданы восемь выпусков сборника «Памятники русского права». Для нас наибольший интерес представляют: выпуск 4 «Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв.»; выпуск 5 «Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в.»; выпуск 6 «Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.»; выпуск 7 «Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в.».

В них печатались как ранее изданные (Сводный судебник 1606 г., Соборное уложение 1649 г. и др.), так и впервые публикуемые источники права XVII в. (документы из Уставных книг Разбойного приказа 1616–1636 гг.). В седьмом выпуске были широко представлены законодательные акты второй половины XVII в. о феодальном землевладении, центральном и местном управлении, регулирующие общественные отношения в посаде, торговлю и т.д.

В период с 1984 по 1994 г. публиковались девять томов сборника отечественных источников права под общим названием «Российское законодательство

Х–XX веков». Для нас наибольший интерес представляют третий и четвертый тома. В третий том включены акты Земских соборов конца XVI — середины XVII в.; текст Соборного уложения 1649 г. Четвертый том содержит в себе русские источники права второй половины XVII — первой четверти XVIII в. о правовом статусе населения, о государственном строе, нормы гражданского, уголовного и процессуального законодательства. В каждом томе сборника помимо текстов источников права содержатся комментарии к каждому документу, библиография и предметно-терминологический указатель, что облегчает работу с опубликованными источниками права. В 1986–1987 гг. были изданы сборник источников права «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.» и комментариев к нему.

В 1990-е годы были опубликованы сборники, содержащие источники права XVII в. из архивов монастырей, например: «Акты московского Симоновского монастыря (1506–1613 гг.)», «Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря» и др.

Индивидуальные архивные исследования проводились отечественными учеными на протяжении всего советского периода. Среди довоенных исследований можно отметить публикацию А.А. Колычева «Сборник актов Северного края XVI–XVII вв.», где были собраны различные источники права северных областей России. В 1960-е годы Г.Н. Анпиловым на основе материалов центральных архивов был издан сборник источников права «Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв.». В четвертой части этой работы были собраны и опубликованы документы начала XVII в. (указные грамоты Бориса Годунова, Василия Шуйского; царские указы воеводам; отписки воевод, челобитные бояр и крестьян).

Исследование фондов региональных архивов в советский период приобрело масштабный характер. Среди работ, посвященных XVII в., можно назвать издания В.Н. Козлякова, С.И. Коткова, Н.И. Приваловой и др.

В сборнике В.Н. Козлякова «Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века» собраны грамоты, записи, памяти, отписки, купчие, челобитные, отражающие земле-

владельческие и имущественные права служилых людей в XVII в. В частности, в этот сборник помещена царская грамота Михаила Федоровича, датированная 1621 г., подтверждающая право владения вотчиной, пожалованной роду Викентьевых Василием Шуйским в 1610 г. за службу государю. В книги С.И. Коткова «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» хотя и не включены источники права, однако добавлены тексты делового содержания, такие как отписки, наказные памяти и челобитные жителей московских слобод, посевные, ужинные и умолотные, приходно-расходные и досмотренные книги, «грамотки» — письма личного характера, которые дают наглядное представление об исполнении законодательства России в XVII в. Тексты документов в работе снабжены подробными примечаниями.

В советский период активно изучались документы Земских соборов XVII в. В 1920–1930-е годы подобные исследования проводились Г.А. Замятым, Н.П. Лихачевым, В.К. Никольским. В 1935 г. была издана монография М.Н. Тихомирова о восстании в Пскове в 1650 г., где он описывает ход Земского собора 1650 г. и содержание решений, отраженных в актах этого собора. В середине 1940 — 1950-х годов исследованию Земских соборов XVII в. были посвящены публикации в периодических изданиях, авторами которых были А.И. Козаченко, А.А. Новосельский, М.Н. Тихомиров. В 1970-е годы Л.В. Черепниным проведено фундаментальное исследование, результаты которого были отражены в монографии «Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.».

Многочисленные исследования были посвящены изучению различных видов грамот, которые являлись источниками права XVII в. Так, жалованные грамоты исследовались С.П. Григоровой-Захаровой, А.А. Зиминим, В.Д. Назаровым, П.П. Смирновым, Д.А. Тебекиным и др. Работа С.П. Григоровой-Захаровой, изданная в 1958 г., является знаковой в изучении царских жалованных грамот XVII в., в которой автор проследил распределение грамот по территориям, годам, социальному составу получателей. С.П. Григорова-Захарова описала внешнюю форму, формуляр и содержание оригиналов грамот XVII в., хранящихся в Отделе письмен-

ных источников Государственного исторического музея.

Изучению уставных таможенных грамот посвящены труды А.Т. Николаевой, Ю.А. Тихонова; послушных грамот — работы А.И. Коптева; утвержденных грамот Земских соборов — публикации А.А. Семина. Было продолжено изучение актов холопской зависимости: полные грамоты (А.Г. Маньков и др.); служилые кабалы, порядные записи (В.М. Панеях); грамоты кабального найма XVII в. (Н.А. Горская).

Традиционно публиковались научные работы, посвященные исследованию Соборного уложения 1649 г. Среди таких работ можно назвать исследования Ю.И. Гессена, П.П. Епифанова, А.А. Зимина, А.Г. Манькова, К.А. Софроненко, М.Н. Тихомирова, В.М. Чернова и др.

Итак, в советский период в историко-правовых и исторических науках под воздействием идеологических установок укоренился новый угол зрения на источники права. Несмотря на это, в научный оборот был введен огромный массив актов национального права, что имело большое теоретическое и практическое значение. Систематизация и типологизация правового материала позволили активизировать научный поиск в деле разработки учения об источниках прав⁴. Кроме того, публикация нормативных документов способствовала расширению знаний и представлений об эволюции российской правовой системы.

Литература

- Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. 1–2 / под общ. ред. А.И. Яковлева. М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 227 с.
- Андреев А.И. Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // *Летопись занятий Археографической комиссии*. 1926. Вып. 33. С. 333–335.
- Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв. М. : Изд-во МГУ, 1967. 541 с.
- Введенский А.А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. Л. : Соцгиз, 1933. С. 85–109.
- Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1974. 164 с.
- Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М. : Наука, 1977. 363 с.
- Гессен Ю.И. Источник одной из статей Соборного уложения 1649 г. // *Проблемы источниковедения*. Кн. 3. Л., 1940. С. 394–397.
- Григорова-Захарова С.П. Русские жалованные грамоты XVII в. // *Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея*. Ч. 1. М. : ГИМ, 1958. С. 24–38.
- Ельчанинова О.Ю. Многоголосие подходов к систематизации источников русского права XVII в.: опыт исследователей дореволюционной России // *История государства и права*. 2015. № 13. С. 25–30.
- Епифанов П.П., Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 г. : учеб. пособие для высшей школы. М. : Изд-во МГУ, 1961. 444 с.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века / под ред. Н.Е. Носова. Л. : Акад. наук СССР, 1986. 264 с.
- Замятин Г.А. К истории земского собора 1613 г. // *Труды Воронежского государственного университета*. 1926. Т. III. С. 1–74.
- Зимин А.А. Законодательные памятники Русского государства конца XV — начала XVII в. : учеб. пособие. М. : Историко-архивный институт, 1961. 38 с.
- Каштанов С.М. Русская дипломатика. М. : Издательство: Высшая школа, 1988. 230 с.
- Козаченко А.И. К истории Земского собора 1653 г. // *Исторический архив*. 1957. № 4. С. 223–227.
- Козаченко А.И. Земский собор 1653 г. // *Вопросы истории*. 1957. № 5. С. 151–158.
- Козляков В.Н. Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века. Сборник документов: к 100-летию Ярославской губернской ученой археографической комиссии. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1989. 94 с.
- Кольчев А.А. Сборник актов Северного края XVI–XVII вв. Вологда, 1925.
- Котков С.И. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М. : Наука, 1984. 368 с.
- Курский Д.И. На путях развития советского права: Статьи и речи. 1919–1926. М. : Юридическое изд. НКЮ РСФСР, 1927. 118 с.
- Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатии частных актов: лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом Институте в 1918 году. Пг. : 2-я Государственная типография, 1920. 188 с.
- Летуновский П.В. Смутное время в политических координатах истории и памяти России как фактор ослабления государства // *История государства и права*. 2015. № 17. С. 54–59.
- Лихачев Н. П. Новые данные о Земском соборе 1616 г. // *Русский исторический журнал*. 1922. Кн. 8. С. 60–87.
- Маньков А.Г. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и

⁴ Летуновский П.В. Смутное время в политических координатах истории и памяти России как фактор ослабления государства // *История государства и права*. 2015. № 17. С. 54–59.

- XVIII веков // Археографический ежегодник за 1958 год. М. : Наука, 1959. С. 350–387.
25. Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. Кодекс феодального права в России. Л. : Наука, 1980. 271 с.
 26. Никольский В.К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. 1928. Вып. 2. С. 45–72.
 27. Новосельский А.А. Земский собор 1639 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 14–29.
 28. Памятники русского права: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. Вып. 4–7 / сост.: А.А. Зимин ; под ред. С.В. Юшков. М. : Госюриздат, 1956. 632 с.
 29. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М. : Изд-во Соц. акад., 1924. 160 с.
 30. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М. ; Л. : Госиздат, 1925. 276 с.
 31. Российское законодательство X–XX веков. Акты Земских соборов. Т. 3–4 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1985. 512 с.
 32. Семин А.А. К истории «Утвержденной грамоты» Земского собора 1613 г. // Археографический ежегодник за 1980 год. М. : Наука, 1981. С. 97–105.
 33. Софроненко К.А. Соборное уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М. : Издательство МГУ, 1958. 58 с.
 34. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и о государстве. Т. 1. М. : Госиздат, 1921. 114 с.
 35. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. СПб. : Типография К. Маттисена, 1917. 534 с.
 36. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М. : Наука, 1978. 420 с.

Развитие судебной формы реализации российского законодательства о незаконнорожденных XIX — начала XX века

*Войнилова Ирина Геннадьевна,
соискатель кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
voynilova84@mail.ru*

В представленной статье показаны роль и место судебных органов в механизме реализации дискриминационного законодательства о незаконнорожденных в России XIX — начала XX в. В первой половине XIX в. дела о законности рождения рассматривались лишь церковными судами. Во второй половине XIX — начале XX в. данная категория дел была включена в компетенцию органов общей юрисдикции в лице окружных судов. При этом существенные изменения произошли и в процедуре рассмотрения дел. Если в судах Консистолий мнение родителей учитывалось лишь при отсутствии каких-либо документов о законности рождения их ребенка, то в окружных судах мнение родителей о необходимости узаконить внебрачного ребенка было определяющим. По мнению автора, данные факты свидетельствуют не только о дифференциации функций государственного аппарата, но и об эволюции политических приоритетов законодательства о незаконнорожденных в сторону смягчения дискриминационного содержания.

Ключевые слова: правовое положение незаконнорожденных в России XIX — начала XX в.; суды Духовных консисторий; компетенция окружных судов по семейно-брачным делам; узаконение внебрачных детей; компетенция монарха по отношению к незаконнорожденным.

Development of Judicial Implementation of the Russian Legislation on Illegitimates in the XIX — Early XX Centuries

*Voynilova Irina G.,
Degree-Seeking Student of the Department of History of State and
Law of the Saratov State Law Academy*

The article shows the role and place of the judiciary in the mechanism of implementation of discriminatory legislation on illegitimate in Russia XIX — early XX centuries. In the first half of the nineteenth century cases on the legality of birth was considered only the ecclesiastical courts. In the second half of XIX — early

XX centuries, this category of cases was included in the competence of General jurisdiction in the face of the district courts. While significant changes have occurred in the procedure of consideration of cases. If in the courts, Consistories, the parents' views were taken into account only in the absence of any documents on the legality of the birth of their child, in the district courts the opinion of the parents about the need to legitimize an illegitimate child was the determining factor. According to the author, these facts are evidence of the differentiation of the functions of the state apparatus, but also on the evolution of the political priorities of the legislation on illegitimate towards mitigating discriminatory content.

Key words: legal status of illegitimate in Russia XIX — early XX centuries; courts of Spiritual Consistories; jurisdiction of district courts in matrimonial cases; legitimation of illegitimate children; the competence of the monarch in relation to illegitimate.

Одной из особенностей развития российского государственного аппарата XIX в. являлось включение ряда вопросов, касающихся правового регулирования положения незаконнорожденных, в компетенцию судебных органов. К таким вопросам относилось, во-первых, устранение сомнений в наличии юридически значимого факта рождения конкретного лица вне брака, например вследствие отсутствия брачного союза либо признания его недействительным. Вторых — вопросы об установлении правовых последствий внебрачного рождения, как, например, об обязанностях по содержанию внебрачного ребенка, представительстве его интересов, составе и объеме его наследственных прав и т.п.¹

Социальной предпосылкой распространения компетенции судебных органов на отношения, возникшие по поводу внебрачных рождений, стало увеличение числа рождений вне брака, имевшее тенденцию к устойчивому росту на протяжении всего девятнадцатого столетия.

Идейно-политической предпосылкой применения судебной формы к разрешению вопросов правового положения незаконнорожденных стала либеральная доктрина государственного управления, которая пришла на смену внутренней политике «регулярного», полицейского государства, в фарватере которой Российская империя следовала на протяжении всего XVIII столетия.

Полагаем, что вышеприведенные предпосылки стали основными причинами передачи в компетенцию судебных органов ряда дел об установлении фактов, имевших юридическое значение для признания лица незаконнорожденным. Впервые это произошло

27 марта 1841 г. в связи с утверждением Николаем I Устава Духовных консисторий².

Особенность системы государственного управления Российской империи первой половины XIX в. заключалась в том, что в этот период судебная власть не являлась обособленным видом государственной власти, т.е. суды находились в подчинении администрации и нередко входили в состав тех или иных государственных учреждений. Поэтому Консистории выступали не только как административный орган управления делами духовенства, но и как церковно-судебный орган, чья компетенция распространялась на все население того или иного церковно-территориального округа — епархии³.

Компетенция и процессуальный порядок действий судебного присутствия Консистории по делам об установлении законности рождения регламентировались нормами главы VII Устава.

Устав определял, что рассмотрение дела о законности рождения в судебном порядке начиналось при наличии двух фактических оснований: обращения определенной категории субъектов; наличия сомнений в действительности правоотношения, которое послужило поводом для обращения в суд.

Статья 266 Устава Духовных консисторий устанавливала, что в Консисторию с ходатайствами об установлении законности рождения были вправе обращаться представители «присутственных мест и начальств по производящимся у них делам или открывающимся надобностям». Как показывают результаты исследования, в первой половине XIX в. под термином «открывающиеся надобности», как правило, понимались резуль-

¹ См.: Анисимов И.П. О детях незаконных // Гражданские законы с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената. 2-е изд., доп. и изм. по продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям. СПб. : Типография Ю.А. Бокгама, 1869. С. 25–26.

² Высочайше утвержденный Устав Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. // ПСЗ II. Т. XVI. Отд. I. № 14409. С. 221.

³ См.: Певцов Е.Г. Церковное судопроизводство // Лекции по церковному праву. СПб. : Типо-литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914. С. 220–222.

таты сенаторских ревизий, а также губернаторского контроля.

Сенаторские ревизии губернских правлений имели прямое отношение к определению правового положения незаконнорожденных, так как в предмет ревизий входила проверка служебного соответствия губернских чиновников, в том числе законности оснований пребывания на службе⁴. При наличии сомнений в достоверности документов о законности происхождения лица, занимавшего должность в аппарате губернского правления, материалы сенаторской проверки направлялись в Консистории для возбуждения дела «о законности рождения в браке»⁵.

Однако сенаторские ревизии имели чрезвычайный характер. Функции же постоянного контроля за деятельностью губернского аппарата управления осуществляли непосредственно губернаторы. Перечень обязанностей губернаторов относительно кадрового состава губернского аппарата управления утвержденного параграфом 21 Высочайше утвержденного «Общего наказа гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г.⁶

Одним из оснований, препятствовавшим замещению должностей в аппарате губернского управления в первой половине XIX в., являлся запрет принимать на службу лиц, которые относились к сословию мещан, «и вообще людей, принадлежащих к податным состояниям»⁷.

Данный запрет исключал поступление на государственную службу лиц, рожденных вне брака, так как ст. 417 Устава о податях устанавливала, что «незаконнорожденные... обращаются все вообще в податное звание»⁸.

Судебное следствие в суде Консистории являлось розыскным. В соответствии со ст. 267–271 Устава Духовных консисторий суд по своей инициативе осуществлял сбор и оценку полноты и достоверности доказательств по делу о законности рождения. В условиях господства системы формальных доказательств нормативно-правовое регулирование процедуры доказывания по данной категории дел не могло быть иным, как посредством ранжирования доказательств в зависимости от значимости. По ст. 267 основным доказательством законности рождения являлась запись в метрической книге. Отсутствие или недостоверность метрической записи были основанием собирания и исследования судом Консистории иных доказательств, исчерпывающий перечень которых определялся Уставом (ст. 268, 270–271)⁹.

Нормы ст. 270 Устава определяли, что при отсутствии вышеприведенных доказательств в предмет доказывания по данной категории дел входило выяснение обстоятельств, позволявших достоверно установить характер взаимоотношений родителей и субъекта судебной процедуры по делу о законности рождения — «как признавали его родители, как оно вообще признаваемо было при жизни родителей и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхождения».

По результатам рассмотрения и оценки собранных доказательств суд Консистории выносил определение о рождении от лица от законного брака либо «о незаконности происхождения» (ст. 272, 277).

Необходимо отметить важную особенность развития российского законодательства первой половины XIX в. в части, касающейся регулирования правового статуса незаконнорожденных. В ст. 270 Устава Духовных консисторий впервые в истории отечественного права была допущена возможность учета мнения родителей при судебном разрешении вопроса о законности происхождения их детей. Несмотря на ряд процессуальных ограничений, выражавшихся в том, что мнение родителей и характер их взаимоотношений по поводу рождения и воспитания ребенка принимались судом

Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. V. Раздел I «О податях подушной и оброчной». С. 93.

⁹ Высочайше утвержденный Устав Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. / ПСЗ II. Т. XVI. Отд. I. № 14409. С. 253.

⁴ См.: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 27 декабря 1827 г. «О неделании от Сената выговоров губернаторам без Высочайшего разрешения» // ПСЗ II. Т. II. № 1656. С. 1114.

⁵ См.: Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX вв.: сб. науч. тр. / под ред. И.Н. Фирсова. Л.: АГУ, 1967. С. 162.

⁶ Высочайше утвержденный «Общий наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. // ПСЗ II. Т. XII. Отд. I. № 10303. § 21. С. 367.

⁷ Именной данный Сенату Указ от 14 октября 1827 г. «О канцелярских служителях гражданского ведомства» // ПСЗ II. Т. II. № 1469. «Положение о канцелярских служителях гражданского ведомства». § I, п. 3. С. 895.

⁸ Устав о податях. Ст. 417 / Свод законов Российской империи. СПб.: Типография Второго

Консistorии лишь при отсутствии иных доказательств законности происхождения, сама возможность постановления судебного решения на основе характера личных отношений между родителями и ребенком свидетельствует о возникновении новых приоритетов в области законодательной политики. Содержание данных приоритетов заключалось в перенесении законодательной регламентации отношений по поводу статуса незаконнорожденных из публично-правовой сферы в частноправовую.

Таким образом, в первой половине XIX в. в основу приоритетов государственно-правовой политики был положен принцип, согласно которому признание детей незаконнорожденными должно осуществляться не на основе отношений субординации, т.е. решения вышестоящего государственного органа, а на основе отношений координации, т.е. мнения равных субъектов семейно-брачного правоотношения — родителей.

В целом в первой половине XIX в. отношения, связанные с установлением законности рождения служащих аппарата государственного управления, входили в предмет совместной компетенции Церкви, Сената и губернаторов.

Аналогичная судебная процедура предусматривалась и по обращениям частных лиц. Однако Устав предусматривал лишь одно материально-правовое основание обращения в суд Консistorии — утрата правоустанавливающих документов о законности рождения, так называемых метрических свидетельств (ст. 266). Правом обращения в суд Консistorии были наделены исключительно лица, утратившие принадлежащие им метрические свидетельства, а также родители и опекуны этих лиц.

Вышеприведенный анализ законодательства показывает, что компетенция суда Консistorии по обращениям частных лиц об установлении законности рождения была существенно ограничена. Правом на обращение в суд по таким делам был наделен минимально возможный круг субъектов в лице самих заявителей, ходатайствовавших об установлении законности своего рождения, их родителей или опекунов.

Вместе с тем, как отмечали В. Вельяминов-Зернов, В. Кукольник и другие правоведы первой половины XIX в., в этот период значительно возросла потребность общества в урегулировании наследственных споров, в

том числе и по поводу включения усыновленных лиц, «подозревавшихся во внебрачном происхождении», в число наследников дворянского родового имущества¹⁰.

Полагаем, что расширение юрисдикции суда Консistorий по делам о законности рождения не происходило потому, что это противоречило интересам самодержавия. Исследование законодательства показывает, что в первой половине XIX в. абсолютный монарх был наделен исключительными полномочиями по «сопричтению» незаконнорожденных детей, усыновленных дворянами, к числу законных наследников родового имущества.

Практика обращения дворян к монарху с просьбами об узаконении внебрачных детей оставалась неизменной и в середине XIX в., о чем свидетельствует содержание Указа от 18 июля 1861 г. «О порядке объявления Высочайших указов касательно узаконения рожденных до брака детей»¹¹.

Вышеизложенное показывает, что на протяжении первой половины XIX в. основной объем полномочий о признании незаконнорожденных детей полностью правоспособными субъектами составлял сферу исключительной компетенции абсолютного монарха. С другой стороны, роль судебных органов в виде Консistorий при решении этого вопроса была крайне незначительна — волеизъявлением родителей они могли руководствоваться только при отсутствии каких-либо документов о регистрации рождения. При этом потребность в признании полной правоспособности детей, по свидетельству современников, приняла широкомасштабный характер, в первую очередь под влиянием объективного роста количества незаконнорожденных вследствие урбанизации.

¹⁰ См.: Вельяминов-Зернов В. Опыт начертания российского частного гражданского права : в 2 ч. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1814. Ч. I. С. 171–172 ; Кукольник В. Российское частное гражданское право : в 2 ч. СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1815. Ч. I. С. 109–110 ; Васильев И. Новейшее руководство к познанию российских законов, изданное для воспитанников московского коммерческого училища : в 2 ч. М. : Университетская типография, 1827. Ч. II. С. 31.

¹¹ Именной, объявленный Сенату Министром юстиции Указ от 18 июля 1861 г. «О порядке объявления Высочайших указов касательно узаконения рожденных до брака детей» // ПСЗ II. Т. XXXVI. Отд. III. Дополнение к XXXIII тому Второго собрания законов Российской империи. № 33408А. С. 33–34.

Отмена крепостного права, либеральные реформы 60–70-х годов XIX в. и связанные с ними процессы индустриализации и эмансипации обострили противоречия, порожденные действием архаичных феодально-крепостнических норм о незаконнорожденных в условиях становления основанных на либерально-буржуазных ценностях равенства и свободы личности новых гендерных отношений, в том числе в семейно-брачной сфере¹².

На устранение этих противоречий за счет расширения компетенции судебных органов был направлен Закон от 12 марта 1891 г. «О детях узаконенных и усыновленных»¹³. В соответствии с п. 1 разд. III данного закона в отношении незаконнорожденных детей устанавливалось правило: «Дети, рожденные вне брака, кроме происшедших от прелюбодеяния, узаконяются браком их родителей».

Из содержания данной нормы следует, что признание незаконнорожденных детей полностью правоспособными ставилось в зависимость от совокупности юридически значимых фактов, таких как отсутствие состояния в другом зарегистрированном браке каждого из родителей на момент зачатия и рождения ребенка; наличие зарегистрированного брака родителей ребенка; наличие письменного волеизъявления об узаконении внебрачных детей.

Функции по устранению сомнений в существовании юридически значимых фактов являются типичными для судебных органов¹⁴. Полагаем, что в этом и состояла причина передачи данной категории дел в компетенцию окружных судов. В соответствии со ст. 1460¹ разд. IV закона от 12 марта 1891 г. родители должны были обращаться с просьбами об узаконении незаконнорожденного ребенка в соответствующие окружные суды.

В отличие от суда Консисторий процесс об узаконении внебрачных детей но-

сил состязательный характер, так как дело в окружном суде, в соответствии со ст. 1460², возбуждалось по ходатайству родителей незаконнорожденного, и решение по делу принималось на основании доказательств, представленных родителями.

Вместе с тем в компетенции монарха, по-прежнему, оставались вопросы узаконения детей, признанных незаконнорожденными вследствие решения суда Консистории о недействительности брака их родителей. В этом случае согласно п. 2 разд. II закона от 12 марта 1891 г. прошения монарху подавались через окружной суд, рассматривавший уголовное дело о наказании супруга, чья вина в недействительности брака была установлена судом Консистории.

Указанный порядок судебного разрешения дел об узаконении незаконнорожденных просуществовал с незначительными изменениями вплоть до 1917 г., когда был отменен вместе с ликвидацией пореформенной судебной системы в соответствии с Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г.¹⁵ Немногим позже, 18 декабря 1917 г., был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», ст. 10 которого устанавливала, что «дети внебрачные уравниваются с брачными»¹⁶.

Результаты исследования показывают, что на протяжении XIX — начала XX в. роль судебных органов в реализации законодательства о незаконнорожденных неуклонно возрастала. Если в первой половине XIX в. дела о законности рождения рассматривались лишь церковными судами, то в последующие периоды данная категория дел была включена в компетенцию органов общей юрисдикции в лице окружных судов. При этом существенные изменения произошли и в процедуре рассмотрения дел. Если в судах Консисторий мнение родителей учитывалось лишь при отсутствии каких-либо документов о законности рождения их ребенка, то в окружных судах мнение родителей о необходимости узаконить внебрачного ребенка было определяющим. Данные факты свидетельствуют

¹² Подробнее о сущности либерально-буржуазных ценностей см.: *Философия эпохи ранних буржуазных революций* / ред. кол. акад. Т.И. Ойзерман, д.ф.н. В.М. Богуславский, д.ф.н. Н.В. Мотрошилова и др. М.: Наука, 1983. С. 511–544.

¹³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 марта 1891 г. «О детях узаконенных и усыновленных» // ПСЗ III. Т. IX. № 7525. С. 111–112.

¹⁴ См.: Барак А. *Судейское усмотрение*: пер. с англ. М.: Норма, 1999. С. 301.

¹⁵ См.: Декрет о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // *Декреты Советской власти*: в 2 т. / под ред. С.Н. Валка. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 124–126.

¹⁶ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. / *Декреты Советской власти*. Т. I. С. 248.

не только о дифференциации функций государственного аппарата, но и об эволюции политических приоритетов законодательства о незаконнорожденных в сторону смягчения дискриминационного содержания.

Литература

1. Анисимов, И.П. О детях незаконных // Гражданские законы с разъяснением их по решениям Правительствующего Сената. 2-е изд., доп. и изм. по продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям. СПб. : Типография Ю.А. Бокгама, 1869. С. 25–26.
2. Барак А. Судейское усмотрение : пер. с англ. М. : Норма, 1999. С. 301.
3. Васильев И. Новейшее руководство к познанию российских законов, изданное для воспитанников московского коммерческого училища : в 2 ч. М. : Университетская типография, 1827. Ч. II. С. 31.
4. Вельяминов-Зернов В. Опыт начертания российского частного гражданского права : в 2 ч. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1814. Ч. I. С. 171–172.
5. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12 марта 1891 г. «О детях узаконенных и усыновленных» // ПСЗ III. Т. IX. № 7525. С. 111–112.
6. Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 27 декабря 1827 г. «О неделании от Сената выговоров губернаторам без Высочайшего разрешения» // ПСЗ II. Т. II. № 1656. С. 1114.
7. Высочайше утвержденный «Общий наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. // ПСЗ II. Т. XII. Отд. I. № 10303. § 21. С. 367.
8. Высочайше утвержденный Устав Духовных консисторий от 27 марта 1841 г. // ПСЗ II. Т. XVI. Отд. I. № 14409. С. 221, 253.
9. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состоя-
ния» от 18 декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 248.
10. Декрет о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти : в 2 т. / под ред. С.Н. Валка. М. : Госполитиздат, 1957. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 124–126.
11. Именной данный Сенату Указ от 14 октября 1827 г. «О канцелярских служителях гражданского ведомства» // ПСЗ II. Т. 2. № 1469. С. 895.
12. Именной, объявленный Сенату Министром юстиции Указ от 18 июля 1861 г. «О порядке объявления Высочайших указов касательно узаконения рожденных до брака детей» // ПСЗ II. Т. XXXVI. Отд. III. Дополнение к XXXIII тому Второго собрания законов Российской империи. № 33408А. С. 33–34.
13. Кукольник В. Российское частное гражданское право : в 2 ч. СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1815. Ч. I. С. 109–110.
14. Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX вв. : сб. науч. тр. / под ред. И.Н. Фирсова. Л. : ЛГУ, 1967. С. 162.
15. Певцов Е.Г. Церковное судопроизводство // Лекции по церковному праву. СПб. : Типо-литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914. С. 220–222.
16. Устав о податях. Ст. 417 // Свод законов Российской империи. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. V. Раздел I «О податях подушной и оброчной». С. 93.
17. Философия эпохи ранних буржуазных революций / ред. кол. акад. Т.И. Ойзерман, д.ф.н. В.М. Богуславский, д.ф.н. Н.В. Мотрошилова и др. М. : Наука, 1983. С. 511–544.

Назначение деятельности суда в цивилистическом процессе

Соляноко Павел Борисович,
партнер-руководитель юридической практики
ООО «Юридическая компания Васильев, Соляноко и партнеры»
p_solyanko@vspart.ru

В статье рассматривается в теоретико-правовой плоскости вопрос о назначении деятельности суда в цивилистическом — гражданском и арбитражном — судопроизводстве. Доказывается, что суд предстает не только арбитром, разрешающим дело по существу в целях защиты частных интересов, но и субъектом администрирования, организующим и направляющим правовую активность сторон. Рассматриваются модели судопроизводства, в рамках которых деятельность суда как субъекта администрирования приобретает специфическую функциональную направленность.

Ключевые слова: суд, частное право, цивилистическое судопроизводство, полномочия суда, применение, примирение сторон.

Court Activation in Civil Process

Solyanko Pavel B.,
Partner, Head of Legal Practice of Legal Company
Vasilyev, Solyanko and Partners, LLC

In the article considers the theoretical formulation the question of the purpose of the court's activities in the civil and arbitration proceedings. It is proved that the court appears not only by the arbitrator authorizing the merits of the case in order to protect private interests, but also the subject of administration, organizing and directing the legal activity of the parties. Discusses the model proceedings, in which the activities of the court as the subject of administration acquires a specific functional orientation.

Key words: court, private law, civil proceedings, the powers of the court, the law enforcement, the reconciliation of the parties.

В условиях многообразия упорядочиваемых посредством права общественных отношений эффективность их правового регулирования во многом зависит от того, в какой мере учитывается специфика не только их предмета, но и субъектного состава. Для эффективного правового регулирования отношений, из которых складывается цивилистическое судопроизводство, принципиально значимым является верное представление о том, чем характеризуется суд как его центральная фигура. В частности, актуальным является вопрос о назначении деятельности суда.

Наиболее очевидным решением обозначенного вопроса является то, что суд в цивилистическом — гражданском и арбитражном — процессе является органом, осуществляющим (отправляющим) правосудие, т.е. рассматривающим спор и выносящим по нему справедливое, обоснованное и законное решение. Однако в действительности деятельность суда в цивилистическом процессе оказывается более сложной по своему назначению.

Назначение деятельности суда в гражданском и арбитражном процессе обуславлива-

ется прежде всего характером разрешаемых им споров, а именно тем, что они являются спорами о пределах правомерного удовлетворения частных интересов, которое, по мнению их носителей, должно гарантироваться им другими субъектами права, а в случае их отказа — обеспечиваться силой государственного принуждения. То, что в рамках цивилистического процесса суд осуществляет правосудие в целях защиты прав и законных интересов частных лиц, принципиально отличает его деятельность от деятельности суда в уголовном процессе, где он выступает субъектом, стоящим на страже прежде всего интересов общества и государства. Даже в тех случаях, когда судом рассматривается и решается такой вытекающий из частных отношений спор, одной из сторон которого выступает государство в лице его органов или должностных лиц, отстаиваемый государством интерес формально приравнивается к частному интересу.

Важно принимать во внимание то, что в силу специфики решаемых судом споров в цивилистическом процессе «источником движения... служит инициатива участвующ-

щих в деле лиц, в особенности сторон»¹. Как следствие, во-первых, именно стороны, заинтересованные в исходе цивилистического процесса, «господствуют» над его судьбой. Во-вторых, личная заинтересованность каждой из сторон спора в том, чтобы суд стал на ее сторону, заставляет их проявлять высокую активность, вследствие чего возникает необходимость управлять этой активностью.

В силу указанного суд в цивилистическом процессе оказывается не только арбитром, но и субъектом администрирования. Вместе с тем его полномочия по характеру и содержанию существенно отличаются от полномочий органов исполнительной власти в силу принципиальной отличности конечных целей судопроизводства от целей исполнительно-распорядительной деятельности.

Суд соотносит поведение других участников гражданского и арбитражного процесса с принадлежащими им правами и обязанностями и придает этому поведению формы, которые соответствуют определенным действующим правом процессуальным ролям. При этом ход и результаты судопроизводства во многом зависят от того, какие именно формы придает суд активности его участников.

Направленность администрирующей деятельности суда может быть различной. Можно говорить о существовании по крайней мере трех разных моделей, в рамках которых деятельность суда приобретает некоторое своеобразие с точки зрения своего назначения.

Первая модель, которую условно можно назвать примирительной, предполагает, что суд стремится устранить несогласованность позиций сторон разрешаемого им спора, обеспечить достижение ими консенсуса и тем самым создать условия, благоприятные для реализации каждой из сторон ее правомерных интересов.

Вторая модель, которую можно назвать распорядительной, предполагает разрешение дела таким образом, чтобы для каждой из конфликтующих сторон была определена справедливая мера возможного, обязательного или должного для нее поведения, адекватная, с одной стороны, установленным фактическим обстоятельствам дела и, с дру-

гой стороны, требованиям норм действующего права.

Третья модель — смешанная — предполагает, что суд может как примирить конфликтующие стороны, так и «распределить» между ними права и обязанности, если стороны не заинтересованы в примирении или если достижение ими компромисса оказывается невозможным по каким-либо другим причинам.

Первая модель предполагает, что администрирующая деятельность суда позволяет создать благоприятные условия для достижения целей частного права и частноправового регулирования. Она позволяет сохранить отношения, в рамках которых каждая из сторон может реализовать собственные интересы.

Рассматриваемая модель исторически складывается раньше других, и она в наибольшей мере характерна для деятельности обычных судов в обществах с правовой культурой традиционного типа, в контексте которой разрешение споров в судебном порядке воспринимается в качестве негативного как для общества, так и для человека.

Вторая модель неразрывно связана с уточнением содержания прав и обязанностей сторон, а также чаще всего — с их принудительным обеспечением. Она предполагает, что суд отдает предпочтение одной из сторон спора и его деятельность не нацелена на то, чтобы обеспечить достижение сторонами согласия. В данном случае презюмируется, что властное «распределение» судом прав и обязанностей в рамках судебного правоприменения разрешает конфликт. Но в действительности чаще всего с вынесением судебного решения конфликт не исчерпывает себя, а превращается из явного в скрытый.

Рассматриваемая модель характерна прежде всего для государственных судов, действующих в обществах с правовой культурой традиционного типа, а также в буржуазных европейских обществах на начальном этапе их исторического развития.

Когда консенсус не найден, частноправовое отношение разрушается либо перестает быть горизонтальной связью, и это объясняется тем, что горизонтальные связи могут поддерживаться только там, где между участниками отношения существует доверие; если доверие исчезает, то частноправовое отношение либо прекращается, либо трансформируется в вертикальное, поддерживаемое

¹ Зубович М.М. Развитие начала деятельности субъектов субъектов цивилистического судебного процесса // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 80.

вместо доверия властью и силой. Сказанное свидетельствует о том, что в ситуации властного «распределения» прав и обязанностей цели частного права не могут быть достигнуты, даже если добросовестно действующей стороне будут компенсированы причиненные ей убытки². Значит, рассматриваемая модель отвечает целям частного права в гораздо меньшей степени, чем судопроизводство примирительного типа.

В силу недостатков, которые обнаруживает распорядительное судопроизводство, в буржуазных европейских обществах постепенно широкое распространение получает третья — смешанная — модель судопроизводства.

На то, что именно смешанная модель наиболее характерна для цивилистического процесса в современных обществах буржуазно-европейского типа, указывает следующее.

Полномочия суда в рамках гражданского и арбитражного процесса прежде всего предполагают разрешение дела по существу: рассмотрение заявленного иска, оценивание представленных сторонами доказательств, определение обоснованности притязаний сторон, уточнение их прав и обязанностей, а также в случае, когда это необходимо, возложение дополнительных обязанностей в целях восстановления прав или компенсации их утраты. Вместе с тем допускается примирение сторон, причем накопленный опыт организации деятельности суда по примирению сторон значителен, а судебные примирительные процедуры разнообразны³. Как справедливо отмечает С.В. Потапенко, «сегодня никто не станет спорить с тем, что примирение сторон как форма урегулирования спора и медиация являются составной частью граждан-

данского судопроизводства»⁴. Сказанное можно в полной мере отнести и к арбитражному судопроизводству.

С одной стороны, смешанная модель не предполагает возложения на суд обязанности активно воздействовать на стороны с целью склонения их к примирению. Роль суда в основном заключается в разъяснении сторонам их права заключить мировое соглашение, последствий его осуществления, а также в оформлении достигнутого соглашения о примирении в соответствии с требованиями закона.

С другой стороны, как правило, суду вменяется в обязанность способствовать достижению сторонами компромисса или, по крайней мере, создавать условия, благоприятствующие их примирению.

Например, в Польше в соответствии со ст. 223 Гражданско-процессуального кодекса председательствующий должен в любое время способствовать заключению сторонами мирового соглашения, особенно на первом судебном заседании после выяснения позиций сторон⁵.

В Германии на любой стадии процесса, если стороны являются в судебное заседание, суд сначала должен поспособствовать их примирению, побудив их к заключению мирового соглашения⁶.

Смешанная модель сочетает в себе достоинства распорядительной и примирительной моделей.

С одной стороны, смешанная модель деятельности суда является предпочтительнее примирительной. Она допускает, как и распорядительная модель, властное «распределение» прав и обязанностей, позволяющее «обеспечить решение дела по существу, подтвердить или опровергнуть наличие формальных признаков, указывающих на существование того препятствия для реали-

² Коновалова И.О. Механизм действия частного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 144.

³ См.: Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: современная теоретическая концепция. Минск, 2013. С. 62–81; Пospelов Б.Т. Роль суда в примирении сторон в гражданском процессе // Российский судья. 2013. № 5. С. 16–21; Овчаренко Т.В. Арбитражный суд как участник процесса примирения сторон // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 7–9; Лисицын В.В. Судебное примирение: важное направление развития современного гражданско-процессуального законодательства // Мировой судья. 2015. № 2. С. 25–30; Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Генезис феномена насилия в архитектонике власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 12–18.

⁴ Потапенко С.В. Примирительные процедуры в гражданском процессе и роль суда в их реализации // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 108.

⁵ Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: современная теоретическая концепция. С. 67.

⁶ Шренк К. Основы немецкого гражданского процесса // Основы хозяйственного и торгового права Германии и Австрии : сб. докладов на семинаре, проведенном в рамках Темпус-проекта, Минск, 5–12 сентября 1999 г. Минск, 2000. С. 275.

зации прав, относительно которого заявлен иск, и в случае обнаружения такого препятствия предписать устранить его. При этом для легитимации судебного предписания достаточно легальности суда и осуществления им деятельности в рамках установленных процедур»⁷.

С другой стороны, смешанная модель оказывается более предпочтительной, чем распорядительная. Деятельность суда как субъекта гражданского и арбитражного судопроизводства в рамках распорядительной модели, предполагающей вынесение решения, признающего и гарантирующего в качестве правовых интересы одной из спорящих сторон, имеет последствия, негативные как в целом для развития частноправовых отношений, так и для обеспечения и защиты прав и законных интересов человека. В рамках смешанной модели именно примирению сторон в суде, а не «распределению» прав и обязанностей отдается предпочтение в тех случаях, когда примирение является возможным. Как справедливо в этой связи отмечает В. Некрошюс, «в иерархии целей судебного производства лидирующую позицию занимает цель примирения сторон, а разрешение дела по существу и принятие решения должны трактоваться как второстепенные цели и применяться лишь тогда, когда примирить стороны уже невозможно»⁸.

В рамках смешанной модели, сочетающей в себе достоинства примирительной и распорядительной моделей, деятельность суда приобретает некоторые специфические черты.

Прежде всего, деятельность суда, как правило, не обеспечивает возможности окончательного решения судьбы спорного отношения. В этом плане показательным является то, что в цивилистическом процессе «свойство неизменяемости вступившего в законную силу судебного решения имеет исключения, продиктованные интересами восстановления и укрепления законности и правопорядка»⁹.

Во многом именно для того, чтобы обеспечить не просто презюмирование, а фактическое разрешение конфликта, создав тем самым возможность сохранения спорного отношения, законодательство допускает возможность обжалования вынесенных судом решений в вышестоящие судебные инстанции.

Полномочия суда, обеспечивающие примирение сторон спора, трудно формализовать. Более того, будет ли достигнуто сторонами примирение, лишь в незначительной степени определяется тем, какие полномочия предоставлены суду и в каких процедурно-процессуальных формах осуществляется его деятельность.

В силу указанного и полномочия, и процедурно-процессуальные формы деятельности суда в рамках смешанной модели судопроизводства определяются прежде всего тем, что суд призван разрешить дело по существу и уточнить содержание спорного правоотношения. Возможность примирения сторон предусматривается, однако ее наличие слабо влияет на правовой статус суда. В целом и порядок цивилистического судопроизводства, и содержание отдельных его стадий подчинены логике, характерной для распорядительной модели деятельности суда.

Итак, в цивилистическом процессе суд предстает не только арбитром, разрешающим дело по существу в целях защиты частноправовых интересов, но и субъектом администрирования, организующим и направляющим правовую активность сторон рассматриваемого им спора.

Деятельность суда как субъекта администрирования не имеет универсальной функциональной направленности. Она может быть нацелена на примирение сторон, на уточнение содержания их прав и обязанностей либо на решение одной из названных задач в зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в ходе производства по делу.

То, что современные суды в цивилистическом процессе совмещают в своей деятельности функции медиатора и функции правоприменителя, уточняющего содержание спорного правоотношения, способствует более эффективному решению задач гражданского и арбитражного судопроизводства.

Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4. С. 123.

⁷ Ерченко П.М. Суд как субъект гражданского судопроизводства // *Российский судья*. 2016. № 1. С. 20.

⁸ Некрошюс В. Цели гражданского процесса: установление правды или примирение сторон? // *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*. 2005. № 4. С. 12.

⁹ Осокина Г.А. Законная сила судебного решения по гражданским и административным делам //

Литература

1. Ерченко П.М. Суд как субъект гражданского судопроизводства // Российский судья. 2016. № 1. С. 20.
2. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в гражданском процессе: современная теоретическая концепция. Минск, 2013.
3. Зубович М.М. Развитие начала деятельности активности субъектов гражданского судебного процесса // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1.
4. Коновалова И.О. Механизм действия частного права: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
5. Лисицын В.В. Судебное примирение: важное направление развития современного гражданско-процессуального законодательства // Мировой судья. 2015. № 2. С. 25–30.
6. Некрошус В. Цели гражданского процесса: установление правды или примирение сторон? // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. № 4.
7. Овчаренко Т.В. Арбитражный суд как участник процесса примирения сторон // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 7–9.
8. Осокина Г.Л. Законная сила судебного решения по гражданским и административным делам // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4.
9. Поспелов Б.Т. Роль суда в примирении сторон в гражданском процессе // Российский судья. 2013. № 5. С. 16–21
10. Потапенко С.В. Примирительные процедуры в гражданском процессе и роль суда в их реализации // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2015.
11. Сигалов К.Е. Судебная власть в императорской России: надежды и разочарования // Администратор суда. 2012. № 3. С. 32–40.
12. Сигалов К.Е. Частноправовые и публично-правовые основания эффективности государства // История государства и права 2014. № 17. С. 11–15.
13. Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Генезис феномена насилия в архитектонике власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 12–18.
14. Шренк К. Основы немецкого гражданского процесса // Основы хозяйственного и торгового права Германии и Австрии: сб. докладов на семинаре, проведенном в рамках Темпус-проекта, Минск, 5–12 сентября 1999 г. Минск, 2000.

Образ кулака в правосознании населения дореволюционной России

*Корнеев Владимир Владимирович,
доцент кафедры философии, истории и культурологии
Академии гражданской защиты МЧС России,
кандидат исторических наук, доцент
korneevussr@mail.ru*

Статья посвящена отношению различных классов, слоев и социальных групп российского общества к кулакам и их деятельности. Раскрывается история кулачества, способы кулацкого обогащения, наживы. В работе показана негативная оценка кулаков и кулацкого предпринимательства со стороны различных категорий населения.

Ключевые слова: кулаки, правосознание, мораль, кулацкое предпринимательство, нажива.

Kulak's Image in the Legal Awareness of the Population in the Pre-Revolutionary Russia

*Korneev Vladimir V.,
Assistant Professor of the Department of Philosophy, History and Cultural Studies
of the Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article describes the relationships between variety classes, stratum and social groups in Russia with kulaks and their actions. The history of the kulaks, their enrichment methods, profit methods are shown up. The article shows negative assessment to kulaks and the profiteering from different social groups.

Key words: kulaks, understanding, moral, the profiteering, profit.

Генезис классов, сословий и социальных групп российского общества является важной частью истории отечественного государства и права. Особый интерес представляют переходные слои, социальные группы, в том числе кулаки, оставившие заметный след в социально-экономической истории страны.

В отечественной историографии кулакам посвящены специальные исследования, причем основное внимание авторы уделяют советскому периоду¹. В то же время о кулаках дореволюционного периода исследователи упоминают фрагментарно, практически не касаясь вопроса оценки деятельности кулаков с позиций морально-правовых воззрений населения. Отсюда цель настоящей статьи — выявить характерные взгляды, представления различных категорий населения в отношении кулаков в рамках господствовавшего тогда правового сознания. Последнее же, как известно, тесно связано с моралью, ибо «люди оценивают право и правовые явления с точки зрения моральных категорий добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, чести и др.»²

Кулаки, вернее — их предшественники *кулащики*, появились в российском обществе во второй половине XVII столетия³. Основным занятием кулащиков первоначально являлась скупка и перепродажа хлеба (зерна). В социальном плане первые кулащики, скорее всего, являлись выходцами из посадского населения. Развитие товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли во второй половине XVII в. обусловило появление на Руси предпринимательского слоя, стоявшего вне корпорации гостей и торгового люда.

К концу XVIII столетия область кулацкого предпринимательства расширяется. После освобождения дворян от обязательной службы и либерализации экономической жизни в эпоху Екатерины II потребности представи-

телей привилегированных сословий и социальных групп стали расти. Многие помещики приступили к строительству роскошных усадеб с дворцово-парковыми ансамблями, которые оснащались произведениями искусств, дорогой мебелью и разнообразными предметами быта. Все это требовало больших средств, которые большей частью выскивались с крепостных крестьян. Чтобы выжить, некоторые крестьяне втягивались в предпринимательство. Развитие товарно-денежных отношений, рост отходничества создали благоприятные условия для расширения деятельности кулаков.

В 1792 г., в период правления Екатерины II, слово «кулак» впервые фиксируется в письменном виде⁴. Из значения данного слова очевидно, что к концу XVIII в. в России кулаки ассоциировались исключительно с деятельностью человека в торгово-спекулятивной сфере. В первой половине XIX в. кулаки, помимо скупки и продажи зерна, стали активно заниматься ростовщичеством, перепродажей мяса, кожи, дров, а также извозом и устройством постоянных дворов. Подобной деятельностью, кроме мещан, занимались крепостные, дворцовые, государственные крестьяне.

Как относилось население к деятельности кулаков? Насколько полно характеризуют кулачество «эксплуатация наемного труда, содержание торгово-промышленных заведений, ростовщичество»⁵?

Анализ исторической литературы показывает, что население, в массе своей, негативно относилось к кулакам. Причиной подобного являлся в первую очередь аморальный способ получения кулаком своего барыша, прибыли. Обман, обмер, обсчет кулаком клиентов при перепродаже хлеба, сена, дров и другого товара стали привычным явлением для хозяйственно-экономической жизни российского общества в первой половине столетия. И. Кокорев, один из первых исследователей кулаков, пишет о *барышниках* (разновидность кулаков. — В.К.) следующее: «...настоящий барышник, по промыслу, всегда отъявленный плут и обманет, кого угодно, даже отца родного... Покупает ли он,

¹ См., например: Доброноженко Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е — первой половине 30-х гг. XX в. (на материалах Европейского Севера России). СПб.: Наука, 2008; Мигущенко О.Н. Формирование критической оценки кулачества в правосознании сельского населения в 20-е годы XX в. // История государства и права. 2015. № 13. С. 50–55.

² Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2004. С. 302.

³ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 7.

⁴ Кулак — перекупщик, переторговщик. *Кулаки все скупили*. См.: Словарь Академии Российской. Репринт. М., 2002. Ч. 3. С. 1060.

⁵ Большая энциклопедия: в 62 т. М., 2006. Т. 24. С. 439.

например, хлеб — он непременно обмеряет мужика, лишь зазевайся тот или дай ему волю насыпать меру своим способом; продаст ли лошадь, бьюсь об заклад, что будь она с кучею пороков, он сбудет ее за доброезжую: как ботаник, заставляющий химическими средствами усиленно расцветать растение, так точно он из клячи сделает ретивую, из старой молодую; словом, перещеголяет любого цыгана»⁶.

Отражением правовых воззрений населения на кулаков и их деятельность может служить трактовка слова кулак в Словаре В.И. Даля: «**Кулак** — скупец, скряга, жидомор, кремень, крепыш. Перекупщик, переторговщик, маклак⁷, прасол⁸, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером. *Жаль кулаков, да бьют же дураков!*»⁹ Нетрудно заметить, что народ дал уничижительную оценку кулацкому предпринимательству, подчеркивая незаконные с точки зрения права способы обогащения кулаков.

Аналогичную характеристику получили кулаки в произведениях русской художественной литературы. К примеру, в поэме И.С. Никитина «Кулак», которую известный литературный критик оценил высоко за «обстоятельное знание... быта»¹⁰, главным героем — некогда разбогатевший кулак-мещанин Карп Лукич — постепенно разоряется, еле-еле сводя концы с концами. Желая поправить свое материальное положение, он разлучает свою дочь Сашу с любимым человеком, бедным соседом-столяром, и отдает ее замуж за богатого купца. Но этот брак не

приносит счастья ни его дочери, ни ему самому. Лукич по-прежнему вынужден заниматься обманом людей, за что его постоянно ругают окружающие его люди. Причем жертвами предпринимательской деятельности Карпа Лукича становятся представители разных сословий: крестьяне, мещане, дворяне. В конце концов, от такой безысходной жизни умирает его старуха-жена, отдаляется от него дочь. Вот тогда-то, потрясенный смертью жены, убитый одиночеством, Лукич и осознает несправедливость окружающей жизни и собственных поступков.

*Ох, горе, горе!
Что же я-то?
Что я-то сделал, кроме зла?
Вот свечи... гроб... где это взято?
Крестьянин, мужичок-бедняк
На пашне потом обливался
И продал рожь... а я, кулак,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Как вор бессовестный, обмерил,
Ограбил, осмеял его —
И смертной клятвою уверил,
Что я не плут!.. Все терпит бог!..*¹¹

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, сфера кулацкого предпринимательства значительно расширяется. Развитие капиталистических отношений способствовало обособлению кулаков в отдельную социальную группу и их дальнейшему обогащению. Так, избыток предложений на рынке труда обусловили дешевизну рабочей силы, и, как следствие, укоренение кулаков в сфере перевозок грузов на водном транспорте, при строительстве барж, судов, в рыболовецкой отрасли¹². Известный исследователь, член Вольного экономического общества Г.П. Сазонов, изучив деятельность *рядчиков* (тип кулака. — В.К.) на Нижегородской ярмарке, подробно описал условия и способы их наживы. Осенью, когда наступал срок платить подати, крестьяне и горожане, за неимением средств, шли к рядчику. Последний давал им деньги в долг, но, во-первых, под 25%, а во-вторых, под будущую

⁶ Кокорев И. Кулак и барышник. М., 1848. С. 15.

⁷ *Маклак* — посредник при мелких торговых сделках, а также торговец подержанными вещами. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов. М., 1991. С. 338.

⁸ *Прасол* — оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи. См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 576. В народном сознании образ *прасола* сохранился таким, каким он представлен в русской пословице: «Прасол с мясом, а наши всегда без каши». Цит. по: Пушкин Л.Н. Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений // Исторические записки. М.: Наука, 1973. Кн. 92. С. 325.

⁹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современное написание. М., 2004. С. 470.

¹⁰ Добролюбов Н.А. Кулак. Поэма И. Никитина // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1950. С. 531.

¹¹ Никитин И.С. Поэма «Кулак». В кн.: Никитин И.С. Сочинения. М., 1984. С. 346.

¹² Более подробно см.: Волков В.В. «Дешево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2016. Ч. 1. С. 528–538.

работу в артели. Так должник попадал в кабалу к рядчику (кулаку). Затем весной из числа своих должников кулак формировал артели и отправлял их на работу в различные губернии страны, взяв в свои руки все денежные расчеты с заказчиком. При этом с каждого артельщика за свои «хлопоты» он брал по 5–8 руб., да еще по 1 рублю за «квартиру», на деле представлявшую собой обычный сарай, куда кулак селил всю бригаду артельщиков. Вдобавок в артели на себя рядчик оформлял два пая и, довольно часто, еще один пай — на своего сына. Тем самым артель получала дополнительную денежную нагрузку (если пай по 60 руб. = 180 руб.)¹³. Самопроизвольно устанавливая расценки за исполненные работы, которые были ниже их рыночной стоимости, кулак получал дополнительную прибыль. В итоге артель, работающая на этого рядчика, практически вся оказывалась у него в долгу. «Да, это хуже крепостничества: это — кабала безжалостная, преступная, растущая с часа на час»¹⁴, — пишет автор исследования.

Когда Г. Сазонов попросил артельщиков высказаться о своем положении, то один из них произнес следующую речь: «Что те жиды? Вот свои-то хуже жидов. Мало что высасывают кровь нашу, готовы жилы повытянуть, кости наши погрызть... Сил нет терпеть! ...Умирать, так умирать!» — грозно закончил он с поднятым кулаком». Автор далее продолжает: «Гам поднялся невообразимый, озлобление было страшное»¹⁵.

Как выяснил Г.П. Сазонов, у всех рядчиков общая «линия жизни». Рядчики физически не работают, на артельный счет нанимают для себя с семейством дома и питаются дорогими обедами. «И на вид-то они похожи друг на друга — жирные, толстые, красные. Все они одинаково закабаляют рабочего, обирая его дочиста, обязывая каждого отдельно и формально по закону работать у него в артели»¹⁶, — пишет автор книги.

Вместе с тем более важное значение с точки зрения дальнейшего развития страны имело оседание кулаков в деревне и легализация их деятельности в сфере поземельных отношений. В трудах А.Н. Энгельгардта,

Г.П. Сазонова, Р.Э. Гвоздева¹⁷ усиление кулачества прямо связывается с пореформенным устройством русской деревни, с появлением так называемых *отрезков*, скупка которых приносила кулакам небывалые прибыли. Эти участки земли, находившиеся прежде в пользовании крестьян, были «отрезаны» у них помещиками в ходе реформы 1861 г. Как правило, это были наиболее плодородные земли, а также участки, расположенные у рек, озер, пастбищ и сенокосов. Тем самым затруднялось ведение крестьянской общиной нормального хозяйства с травой и севооборотом, регулярным кормлением и водопоем скота, усложнялись привычные операции с рубкой дров и даже сбор грибов и ягод в лесу. Кроме того, «отрезки» уменьшили и без того небольшие крестьянские наделы, на доход с которых и жил русский пахарь. А ведь ему еще было необходимо выплачивать «выкупные платежи», государственные, земские и мирские подати. Вот при таких социально-экономических условиях, в которых находился крестьянский «мир», кулак-арендатор, так же как и помещик, и наживался на своих односельчанах. Кулаки скупали самые важные для крестьян «отрезки», а затем предъявляли деревенским жителям свои требования. Последние же, ограниченные в земле, покосах, выгонах скота, лесе, деньгах и т.п., были вынуждены идти на поклон к сельским богатеям, соглашаясь практически на все их условия. Что же требовали от крестьян помещики и кулаки за пользование «отрезками»? Как правило, помещики и кулаки требовали натуральной отработки «арендной платы», и крестьяне рассчитывались за все своим трудом на пашне, покосах, в хозяйстве такого «предпринимателя» в самое «страдное» для них время. В результате крестьяне, набрав долгов, не успевали обрабатывать свои земли и вынуждены были вновь и вновь идти на поклон к кулаку. Из года в год такая ситуация повторялась. Крестьянин постепенно втягивался в кабалу и вконец разорялся.

Кулаки так же хорошо обогащались за счет переезда крестьян на новые земли. Как известно, переселенческий процесс стал характерным для жизни населения Европейской

¹³ См.: Сазонов Г.П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб., 1894. С. 28–29.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 31.

¹⁷ См.: Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. М., 1956; Сазонов Г.П. Ростовщичество-кулачество; Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб., 1899.

России со второй половины XIX в. в силу недостатка у крестьян земли. Уезжали сельские жители главным образом за Урал, в Сибирь, в Казахстан и Среднюю Азию. Переселялись в основном средние и зажиточные крестьяне. Бедняки уехать не могли, так как были скованы долгами и недоимками. Кулаки же уезжать из деревни не собирались. «Богатея кулака восток не прельстит, потому что ему и дома хорошо, потому что он и дома богат, богат тем, что «кругом народ нищий», — писал Гвоздев¹⁸.

Как же наживался кулак на переселенцах? Последнее, перед тем как уехать, распродавали свои дома, имущество, скот, инвентарь. По большей части все это добро уходило за копейки, и главными скупщиками были кулаки. Более того, кулаки сами различным способом понуждали крестьян переселяться на новые земли, желая за бесценок завладеть их имуществом. Однако, прибыв на новое место, переселенцы, не имея средств, попадали в кабалу к другому кулаку-ростовщику.

Любопытно, что положение крестьян-переселенцев на новом месте удивительно похоже на жизнь современных так называемых гастарбайтеров, ибо методы обращения нынешних «хозяев» со своими работниками те же самые. В частности, сибирские кулаки, в услужение которым попадали вновь прибывшие крестьяне, в первую очередь отнимали у своих работников паспорта. А затем уже эксплуатировали людей, не оглядываясь на закон. Некоторым переселенцам удавалось вырваться из оков кулаков, и они обратно возвращались домой, но уже «обедневшими и озверевшими»¹⁹.

подавляющая часть исследователей, писатели и поэты XIX в., обращавшиеся к теме кулачества в своих сочинениях, отмечали крайне негативное отношение крестьян к кулакам, доходящее у них до ненависти к ним. Не случайно за кулаками закрепилось прозвище *мироед*, т.е. тот, кто «ест», уничтожает общину («мир»). Современный историк Г.Ф. Доброноженко пытается объяснить подобное отношение тем, что «крестьянское сознание всегда считало, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только тяжелый изнуряющий физический труд»²⁰. Ду-

мается, что такое умозаключение — надуманное, противоречащее огромному массиву исторической литературы. Например, честная торговля почиталась на Руси издревле, свидетельством чего являются былины, сказания, песнопения («О Добрыне Микитьевиче», «Садко», «Песня о купце Калашникове» и др.)²¹. К тому же сельский житель и сам нередко подрабатывал на стороне, промышляя продуктами своего хозяйства, в особенности зимою, в перерыве между полевыми работами. Порой предметы, изготовленные крестьянскими руками и проданные на рынке, позволяли ему отдать часть необходимого денежного оброка помещику либо заплатить «выкупные платежи» государству. В целом торговля и промыслы составляли заметную долю в доходах крестьянского хозяйства и не считались противоправными занятиями. Кулаки же процветали, используя обман и нужду людей, а потому вызывали у народа даже своим видом отрицательные эмоции.

Важно заметить, что если среди низших классов преобладала моральная оценка кулацкой деятельности, то чиновники, земские статисты, представители интеллигенции отмечали, что усилению позиций кулачества способствовали несовершенство законодательства, регулирующего общественное устройство в пореформенное (1861 г.) время, а также низкая юридическая грамотность населения. Например, пермский губернатор А.К. Анастасьев указывал на «противозаконное влияние» кулаков на решения волостных судов и высказывался за коренное реформирование таких судов²². Г.П. Сазонов на документальных материалах Опочецкого уезда Псковской губернии выявил, что наиболее распространенным способом закабаления своих односельчан со стороны кулаков являлись махинации с векселями. В частности, нужда крестьян в каких-либо товарах,

20-х гг. XX в. // Стратификация в России: история и современность / отв. ред. Ю.М. Рапопорт. Сыктывкар : Изд-во СЫКТГУ, 1999. URL: <http://diplomnye-istorii.ru/dobronozhenko-g-f-kto-takoj-kulak-traktovka-ponyatiya-kulak-vo-vtoroj-pолоvine-xix-20-x-gg-xx-vv-stratifikaciya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost-syktvkar-izd-vo-syktgu-1999-s-28-41.html>

¹⁸ Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. С. 60.

¹⁹ Там же. С. 63–64.

²⁰ Доброноженко Г.Ф. Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX —

²¹ Более подробно см.: Перхавко В.Б. Торговый мир русского средневековья в былинах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 28–38.

²² См.: Попп И.А. Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860–1880-х гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 124.

при отсутствии денежных средств, вынуждала их обращаться к кулаку, который предпочитал открывать в этом случае бессрочный вексель либо вексель на сумму более 100 рублей. Делалось это для того, чтобы в суде было легче выиграть дело. При сумме иска менее 100 руб. дело рассматривалось в волостном суде, а там большую роль при рассмотрении вопроса имели свидетельские показания. В волостном суде, если свидетели указывали на выполнение крестьянином своих обязательств (навозил кулаку товара, своего урожая), кулак, как правило, проигрывал дело. Если же у него имелся иск на сумму более 100 руб., то дело рассматривалось в мировом суде, а там в качестве доказательства использовались только документы. В этом случае крестьянин, как правило, проигрывал дело²³. Однако в целом главной причиной усиления позиций кулаков-мироедов в сельском обществе представители образованных классов считали социально-экономические условия, в которых пребывало большинство крестьянского населения России.

Подводя итог, отметим, что правосознание большей части населения в дореволюционной России отличалось негативным, резко отрицательным отношением к кулакам и способам их предпринимательской деятельности. Главной причиной подобного являлись разнообразные махинации, а зачастую и открытое мошенничество со стороны кулаков, позволявшее им наживаться на своих сородичах. Противоправные и аморальные способы обогащения оказали существенное влияние на негативный образ кулака в глазах населения. Современные, зачастую позитивные представления и оценки о месте и роли кулаков в истории России объясняются, на наш взгляд, и социальным заказом, и слабым знанием морально-правовых устоев российского общества в прошлом. Подобные ложные взгляды уже сыграли свою отрицатель-

ную роль, заметно ограничив возможность закрепления в правосознании нынешних граждан России понятий о честной предпринимательской деятельности.

Литература

1. Большая энциклопедия : в 62 т. М. : ТЕРРА, 2006. Т. 24. 592 с.
2. Волков В.В. «Дешево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб. : Политехника-принт, 2016. Ч. 1. 640 с.
3. Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб. : Издание Н. Гарина, 1899. 161 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современное написание. М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. 983 с.
5. Доброноженко Г.Ф. Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX — 20-х гг. XX в. // Стратификация в России: история и современность / отв. ред. Ю.М. Рапопорт. Сыктывкар : Изд-во СЫКТГУ, 1999. URL: <http://diplomnye-istorii.ru/dobronozhenko-g-f-ktotakoj-kulak-traktovka-ponyatiya-kulak-vo-vtoroj-pолоvine-xix-20-x-gg-xx-yy-stratifikaciya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost-syktvykar-izd-vo-syktgu-1999-s-28-41.html>
6. Кокорев И. Кулак и барышник. М., 1848. 22 с.
7. Никитин И.С. Сочинения / сост. В.Ф. Муленковой ; вступ. ст. О.Г. Ласунского ; прим. Л.А. Плоткина ; ил. И.Н. Новодержкина. М. : Правда, 1984. 528 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1991. 917 с.
9. Попп И.А. Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860–1880-х гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 120–126.
10. Сазонов Г.П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1894. 221 с.
11. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6. Репринт. М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2002. Ч. 3. 832 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.
13. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М. : Юрист, 2004. 592 с.
14. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. М. : Сельхозгиз, 1956. 491 с.

²³ См.: Сазонов Г.П. Ростовщичество-кулачество. С. 191–192.

Военно-морские исправительные учреждения для несовершеннолетних английских преступников в начале XX века

*Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
профессор внебюджетного факультета
Воронежского института ФСИН России,
доктор исторических наук, профессор
liva2006@yandex.ru*

Статья описывает организацию исправительной системы английских учебных кораблей для перевоспитания несовершеннолетних преступников в начале XX в. Кроме того, уделяется внимание мировой истории исправительных учреждений.

Ключевые слова: корабль, капитан, матрос, воспитанник, реформаторий.

Navy Correction Institutions for Juvenile Offenders in England in the Early XX Century

*Liventsev Dmitry V,
Professor of the Extra-Budgetary Faculty
of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of History, Professor*

This article describes the organization of the correctional system of the English training ships for the rehabilitation of juvenile delinquents in the early twentieth century. In addition, attention is paid to the history of the world of corrections.

Key words: ship, captain, sailor, inmate of the reformatory.

Проблема перевоспитания несовершеннолетних преступников всегда оставалась актуальной для общества¹. Надо отметить, что Российская империя и западные страны использовали самые различные формы организации исправления несовершеннолетних преступников². Отсюда весьма интересным представляется опыт организации тюремным ведомством Великобритании военно-морских исправительных учреждений для подобного контингента.

Сам закон о специальных учреждениях для несовершеннолетних английских преступников был принят еще в 1854 г.³ В начале XX в. исправительные учреждения в Великобритании для несовершеннолетних преступников под-

разделялись на два типа: реформатории и ремесленные приюты. В реформаториях содержались малолетние преступники в возрасте от 10 до 16 лет. Основной контингент ремесленных приютов, представлявших скорее попечительские организации, составляли нищенствующие, бродячие и брошенные дети, не судимые ранее.

Именно для данных двух типов модернизированных исправительных учреждений в Англии начала XX в. ввели военно-морское перевоспитание⁴. К реформаториям приписали учебные корабли Cornwall и Akbar. Ремесленные приюты обзавелись судном Shaftesbury. К ним добавился корабль Exmouth для детей английских бедняков из рабочих домов. Все вышеназванные суда являлись частным, а не государственным предприятием⁵. Однако при нехватке благотворительных финансовых средств государственная власть выделяла дополнительные деньги.

Направление на учебный корабль ребенка обычно зависело от судьбы, руководившего-

¹ Марковичева Е.В. Несовершеннолетний в системе уголовного судопроизводства в России первой половины XX века // История государства и права. 2009. № 6. С. 33.

² Фруменкова Т.Г. Передача питомцев Петербургского воспитательного дома на частные предприятия Петербурга и Северо-Запада России в конце XVIII — середине XIX в. // История государства и права. 2009. № 9. С. 27.

³ Reformatory Schools Act 1854. Информация с официального сайта Министерства юстиции Великобритании — The UK Statute Law Database. URL: <http://www.statutelaw.gov.uk>

⁴ Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 3.

⁵ Несслер В.Ф. Учебные корабли для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии СПб., 1900. С. 2.

ся при этом личным желанием малолетнего преступника. При приеме на корабль воспитанник проходил обязательный медицинский осмотр и принимался только в случае абсолютной физической пригодности к морской службе. Главными противопоказаниями по здоровью назывались чахотка, т.е. туберкулез, и недостаточный вес. Медицинский осмотр для воспитанников, находившихся на учебном корабле, проходил раз в три месяца. Среди недугов воспитанников на учебных судах преобладали ушибы, простуда и желудочно-кишечные заболевания. В свою очередь, эпидемии полностью отсутствовали. Крайне редкими среди воспитанников были смертельные случаи от болезни и самоубийства.

Экипаж учебных судов для несовершеннолетних преступников формировался из оставших офицеров и унтер-офицеров британского королевского флота. Офицеры и унтер-офицеры должны были обучать воспитанников военно-морскому делу. Помимо них, нанимали портных, плотников, слесарей, поваров, сапожников для передачи ремесленных навыков и учителей по общеобразовательным предметам.

В экипаж учебного судна в обязательном порядке входили священник и врач. Все бытовые работы и уборку корабля воспитанники осуществляли собственными силами. Надо отметить, что, по свидетельству очевидца, на учебных кораблях поддерживались образцовые чистота и порядок.

Давайте посмотрим список лиц, относящихся к администрации учебного корабля Cornwall, рассказанного на 260 воспитанников:

«Капитан и его помощник,
6 моряков для обучения морскому делу,
3 школьных преподавателя,
1 дирижер оркестра,
1 учитель гимнастики,
2 плотника и повар»⁶.

Все экипажи учебных кораблей получали приличное содержание, а сами суда представляли собой бывшие деревянные парусники британского королевского флота, имевшие славную боевую историю.

Капитан на учебном корабле для несовершеннолетних преступников по отношению к экипажу обладал дисциплинарной властью и мог удалить любого служащего. Правда, за принятые решения он нес ответственность перед советом благотворительных организаций.

Дисциплина воспитанников находилась на весьма высоком уровне. Наказания практически отсутствовали и следовали только в случаях кражи, побега, драки и явного неповиновения. Когда происходил побег, администрация учебного корабля для розыска воспитанника обращалась в полицию. К мелким проступкам относили курение табака, лень, неопрятный внешний вид, порчу форменной одежды. Однако если воспитанник провинился, то его могли наказать ударом тростью через одежду до 8 раз, ударами розгой по голому телу до 18 раз, помещением в карцер до 3 суток. Наконец, практиковали ограничение воспитанника в пище, т.е. оставляли в пищевом рационе нарушителя хлеб и воду.

В рацион воспитанников входили: на завтрак какао с хлебом и маслом и овсяной кашей; на обед мясо с овощами и сладостями; на ужин какао с хлебом и маслом⁷.

Сами учебные корабли стояли в портах и не совершали даже кратковременных плаваний. Воспитанникам лишь позволялись прогулки на маломерных судах. В обязанности воспитанников входило постоянное пребывание на учебных кораблях, кроме незначительных по времени отпусков.

Воспитанники делились на несколько возрастных групп. Существовали и группы хорошего, отличного и среднего поведения, показывающие взаимоотношения воспитанника с администрацией корабля. Для группы отличного поведения начальство предоставляло целый ряд привилегий: писать домой письма, раз в два месяца краткосрочный отпуск, получение книг из библиотеки. Прилежному воспитаннику выдавался отпускной билет от одного дня до двух недель. Особым поощрением были рождественские каникулы сроком до 10 дней, проведенные с родственниками. Как поощрение разрешались и периодические посещения членами семей воспитанников на учебном корабле. Все привилегии для воспитанников начинали действовать после 9 месяцев пребывания воспитанника на учебном корабле.

Из группы отличного поведения формировали воспитанников для исполнения унтер-офицерских обязанностей. Если воспитанник допускал дисциплинарный проступок, то его переводили в менее престижную группу.

⁶ Несслер В. Учебные корабли для малолетних преступников // Тюремный вестник. 1900. № 5. С. 240.

⁷ Несслер В.Ф. Учебные корабли для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии. С. 7.

Вот иерархия воспитанников учебных кораблей для несовершеннолетних английских преступников:

«Старшие унтер-офицеры,
унтер-офицеры,
младшие унтер-офицеры,
рассыльные,
постоянные лодочные гребцы»⁸.

Упомянутая иерархия среди воспитанников, нашедшая отражение в нашивках на форменной одежде, во многом способствовала соревновательному духу и более успешному овладению военно-морским делом. Сама форма воспитанников полностью повторяла одежду матросов британского королевского флота.

При оценке знаний или умений воспитанника применялась общепринятая в английских школах шкала: отлично, хорошо, удовлетворительно и плохо. Занятия соответствовали учебной программе общеобразовательной английской школы: письмо, арифметика, география, история, риторика, рисование и т.д. Начальство не принуждало воспитанников к непосильному труду, что позволяло им иметь достаточно свободного времени для самостоятельных занятий по школьной программе. Каждый год для воспитанников проводились экзамены для перевода в следующий из семи классов школы, работавшей на учебном корабле. Результаты школьного обучения признавались администрацией кораблей успешными, так как до 93% воспитанников могли читать и писать.

Все воспитанники делились на две суточные вахты, одна из которых отучилась в школе, а другая под присмотром отставных моряков осваивала секреты военно-морского дела. Курс обучения основам морской профессии продолжался 33–36 месяцев. По окончании начального военно-морского образования воспитанник должен был уметь обращаться с парусами, знать флажные сигналы, управлять шлюпкой, бросать лот для измерения глубины, вязать все морские узлы. Одновременно отставные моряки следили за физическим развитием воспитанников. Для воспитанников учебных кораблей специально закупили гантели и различные тренажеры. К ним добавлялись ремесленные занятия: кулинария, сапожное, портняжное и плотницкое дело.

У воспитанников была достаточно обширная досуговая программа, включавшая концерты, танцы, занятие спортом, соревнования по

военно-морскому делу. Между учебными кораблями проводились соревнования по футболу, крокету и лаун-теннису. Призами победителям служили серебряные часы и медали, приобретавшиеся на средства благотворительных обществ.

По достижении 18-летнего возраста капитан учебного корабля мог заключить первый матросский контракт своего воспитанника с судовой компанией. Однако большинство воспитанников выбирали карьеру матроса британского королевского флота. Кстати, многие бывшие воспитанники посещали впоследствии свои учебные корабли, где им помогали при материальных затруднениях. К преступному прошлому вернулось не более 13% бывших малолетних нарушителей закона. Как сказал один из капитанов учебного корабля для несовершеннолетних преступников: «...В английском военном флоте, сэр, нет ни одного корабля, на котором не служат или не служили бы мои воспитанники»⁹.

Конечно, на учебном корабле несовершеннолетнему преступнику было значительно лучше, чем на улице или в работном доме. К тому же здесь его учили и давали ремесленные и военно-морские навыки. Подобная система перевоспитания несовершеннолетних преступников в начале XX в. вызывала законную гордость у руководителей английского тюремного ведомства. Более того, в 1910 г. «Российский морской союз» опубликовал доклад И.П. Абзелева «Об Образовании под флагом Российского морского союза приютов для мальчиков бродяжек с целью подготовки личного состава для военного и коммерческого флота со специальными познаниями»¹⁰. Отсюда можно сделать вывод о положительных и эффективных результатах деятельности английской системы военно-морского перевоспитания несовершеннолетних преступников.

Литература

1. Абзелев И.П. Об Образовании под флагом Российского морского союза приютов для мальчиков бродяжек с целью подготовки личного состава для военного и коммерческого флота со специальными

⁹ Несслер В.Ф. Учебные корабли для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии. С. 15.

¹⁰ Абзелев И.П. Об Образовании под флагом Российского морского союза приютов для мальчиков бродяжек с целью подготовки личного состава для военного и коммерческого флота со специальными познаниями // Труды Российского морского союза 1910. Вып. 1. С. 3–15.

⁸ Несслер В. Учебные корабли для малолетних преступников. С. 242.

- познаниями // Труды Российского морского союза. 1910. Вып. 1. С. 3–15.
2. Денисенко В.В. Модернизация общества и правовое регулирование // История государства и права. 2007. № 22. С. 2–4.
3. Марковичева Е.В. Несовершеннолетний в системе уголовного судопроизводства в России первой половины XX века // История государства и права. 2009. № 6. С. 33–36.
4. Несслер В.Ф. Учебные корабли для малолетних преступников и беспризорных детей в Англии СПб., 1900. С. 17.
5. Несслер В. Учебные корабли для малолетних преступников // Тюремный вестник. 1900. № 5. С. 240–256.
6. Reformatory Schools Act 1854. Информация с официального сайта Министерства юстиции Великобритании — The UK Statute Law Database. URL: <http://www.statutelaw.gov.uk>.
7. Фруменкова Т.Г. Передача питомцев Петербургского воспитательного дома на частные предприятия Петербурга и Северо-Запада России в конце XVIII — середине XIX в. // История государства и права. 2009. № 9. С. 27–32.

Внешняя разведка СССР как инструмент разрешения военно-политического кризиса (на примере Карибского кризиса 1962 года)

*Рац Сергей Васильевич,
доцент Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат политических наук
El-vase@mail.ru*

*Милютенко Надежда Ильинична,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат филологических наук
spesmilu@mail.ru*

Статья посвящена Карибскому кризису — противостоянию США и СССР как пику напряженности в отношениях двух ядерных держав.

Ключевые слова: Карибский кризис, внешняя разведка СССР, А.С. Феклисов.

Foreign Intelligence of the USSR as a Mean to Resolve a Military and Political Crisis (as Exemplified by the Caribbean Crisis of 1962)

*Rats Sergey V,
Assistant Professor of the Institute of Philosophy
of the Saint Petersburg State University,
Candidate of Political Sciences*

*Milyutenko Nadezhda I,
Assistant Professor of the Institute of History
of the Saint Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences*

The article is devoted to the Caribbean Crisis, the confrontation between the USA and the USSR as a peak of the tensions between the two nuclear powers.

Key words: Caribbean Crisis, Soviet Foreign Intelligence, A.S. Feklisov.

В канун 55-й годовщины Карибского кризиса авторы данной статьи хотели напомнить о событиях противостояния двух ядерных

держав, которые могли привести к локальному конфликту, а в дальнейшем к ядерной войне, т.е. к уничтожению современной цивилиза-

ции. В этой связи авторы хотели показать роль внешней разведки КГБ СССР в разрешении военно-политического кризиса. Несколько слов об истории военно-политического конфликта, получившего название «Карибский кризис». В 1961 г. США на территории Турции и Италии разместили ракеты средней дальности «Юпитер», оснащенные ядерными боеголовками. Радиус действия данной ракеты полностью покрывал территорию западной части СССР и делал уязвимыми политические, военные, экономические объекты. Этот шаг явился серьезной угрозой для национальной безопасности СССР. Так, например, министр обороны СССР маршал Р.Н. Малиновский говорил, что ракета такого класса могла достичь Москвы с территории Турции за 10 минут. Напряженность между сверхдержавами СССР и США росла с каждым часом. Опасность военного конфликта усилилась в связи с агрессивной политикой США в отношении Кубы.

В 1959 г. на острове Куба произошла революция. В результате вооруженной борьбы к власти пришла группа «левых» патриотов во главе с Ф. Кастро, взявших курс на социалистические преобразования. В 1961 г. ЦРУ осуществило операцию по высадке десанта, состоявшего из наемников-эмигрантов. Целью операции была смена политического режима на Кубе. Как известно, операция полностью провалилась.

Следует отметить, что у руководителей СССР отношения с лидерами кубинской революции складывались весьма успешно. СССР поддержал социалистическую революцию и в условиях экономической блокады острова со стороны США предоставил военную и экономическую помощь. Глава советского правительства и Первый секретарь коммунистической партии Н.С. Хрущев на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая 1962 г. предложил использовать территорию Кубы как форпост для адекватной угрозы США. Было принято решение о размещении советских ракет среднего радиуса с ядерными боеголовками на территории Кубы. В мае 1962 г. советско-партийная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Ш.Р. Рашидовым посетила Кубу. Ф. Кастро принял предложение советской делегации о размещении ракет на территории Кубы, и летом того же года Р. Кастро, министр обороны Кубы, посетил Москву с официальным визитом. В процессе встреч с лидерами советского государства были обсуждены детали плана переброски воинского кон-

тингента, техники, в том числе ракет с ядерными боеголовками, был подписан секретный договор.

Согласно плану, который получил кодовое название «Анадырь», 70 судов гражданского флота СССР должны были перебросить группировку из 50 877 тысяч солдат и офицеров в составе ракетной дивизии (пять полков), двух танковых батальонов, двух полков авиации, четырех мотострелковых полков. В октябре на территории Кубы находилось 950 военных советников. В условиях повышенной секретности летом 1962 г. началась переброска группировки советских войск. В октябре 1962 г. на территории Кубы находилось более 150 ядерных боеголовок, из их числа установка 42 ядерных боеголовок успешно завершилась. Ядерный потенциал дивизии в первом пуске составлял 70 мегатонн. Ядерные силы СССР по состоянию на октябрь 1962 г. имели на вооружении 405 стратегических ядерных зарядов.

К этому моменту совокупная мощь ядерных зарядов США превосходила ядерную мощь СССР в 15 раз, а развитие экономики и финансов в 20 раз. В соответствии с «Единым комплексным оперативным планом» (SIOP) США могли нанести удар по территории СССР, используя 6000 стратегических зарядов.

В то же время СССР располагал мощнейшей сухопутной группировкой в Западной Европе, и в случае военного конфликта тысячи советских танков и их союзники могли пройти территорию Европы и выйти к границе с Испанией за несколько суток, а Западный Берлин мог быть оккупированным в течение 8 часов. Западные лидеры и политическое руководство США достаточно ясно осознавали последствия военного конфликта, а также готовность СССР использовать для защиты своих интересов ядерное оружие. Кроме того, политическое руководство США учитывало психологический фактор: партийным лидером в СССР был импульсивный, властолюбивый, упрямый и крайне амбициозный человек, который в западных дипломатических и журналистских кругах получил имя «непредсказуемый Никита Хрущев».

СССР и США предприняли повышенные меры безопасности, например, члены Политбюро ЦК КПСС с 22 октября находились на казарменном положении: круглосуточно пребывали в Кремле, Вооруженные Силы СССР были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

22 октября президент Джон Кеннеди в своем выступлении по телевидению сообщил, что СССР использует Кубу как форпост в Западном полушарии для установки своих ракет, способных нанести ядерный удар по США. В этот же день СССР успешно осуществил первый в мире групповой полет в составе экипажа космонавтов А.Г. Николаева, П.Р. Поповича¹.

О чем же писала газета «Правда» в дни противостояния двух мировых держав? Советские люди гордились высокими достижениями СССР в космосе, развитой промышленностью, современным военным вооружением. Был успешно произведен запуск баллистической ракеты, боеголовка которой достигла заданного квадрата в акватории Тихого океана. Особое место на страницах газеты уделялось юбилею, 150-летию Отечественной войны 1812 г., разгрому войск французов. В номере газеты за 19 октября помещена заметка о премьере фильма «Гусарская баллада», в том же номере отмечено — «в третьем квартале в СССР выплавлено стали больше, чем в США».

24 октября в газете «Правда» опубликовано заявление советского правительства о том, что США поставили мир перед угрозой мировой термоядерной войны. В том же номере говорилось, что войска Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора приведены в состояние повышенной боевой готовности².

США в спешном порядке в районе Флориды собрали 250-тысячную группировку сухопутных войск, в том числе 90 000 морских пехотинцев и десантников. Стратеги США были готовы нанести ракетно-бомбовый удар по объектам Кубы, в первую очередь по советским ракетным установкам. На юго-востоке США бомбардировщики «Б-52» несли круглосуточное дежурство с ядерными зарядами на борту. Ситуация обострилась тем, что 27 октября советской ракетой над Кубой был сбит американский разведывательный самолет «У-2». Летчик майор Р. Андерсен погиб. Президент США Д. Кеннеди объявил о морской блокаде острова Куба. Остров по приказу президента США был окружен военно-морской группировкой, в которую входили соединение из 25 эсминцев, 2 крейсеров, атомный авианосец «Эссекс», подводные лодки. Капитанам кораблей был дан приказ останавливать любое судно, которое следовало в Гавану, и подвергать его досмотру.

¹ Правда. 1962. 22 октября.

² Правда. 1962. 24 октября.

К 27 октября к берегам Кубы подошла эскадра из четырех советских подводных лодок, имевших на своих бортах торпеды с ядерными боеголовками. Их командиры получили приказ: «...в случае обострения обстановки, без согласования с Москвой, применить торпеды по морским целям противника». В такой ситуации любой неверный шаг с обеих сторон мог привести к конфликту с использованием ядерного оружия — мировое сообщество находилось в пятнадцати секундах от ядерной катастрофы.

В данном случае предметом конфликта в военно-политическом противостоянии между СССР и США явился остров Куба, а объектом — мировое лидерство. Ширина Флоридского пролива составляет 180 километров. Советские ракеты могли преодолеть это расстояние за несколько минут и нанести ядерный удар по любой точке на территории США.

Советско-партийное руководство поставило перед внешней разведкой задачу получить упреждающую информацию о возможном ракетно-ядерном ударе по Кубе и сообщения из кругов, близких к правительству США, о развитии Кубинского кризиса.

Резидентом внешней разведки КГБ СССР в период Карибского кризиса был полковник Александр Семенович Феклисов. В октябре 1962 г. ему исполнилось 48 лет. В органы государственной безопасности А. Феклисов был призван в 1940 г. После окончания школы особого назначения (ШОН) в 1941 г. он был отправлен в аппарат легальной резидентуры внешней разведки СССР в США. В личном деле А.С. Феклисова значится: с 1941 по 1946 г. он работал в США в легальной резидентуре по линии научно-технической разведки³. С 1947 по 1950 г. работал в Англии, где на связи у Феклисова был ценнейший агент Клаус Фукс, с 1960 по 1964 г. Феклисов под фамилией Фомин — резидент в Вашингтоне. На всех этапах оперативной деятельности главным направлением А.С. Феклисова была тема, связанная с получением информации по ядерным разработкам. К моменту Карибского кризиса А.С. Феклисов являлся опытным руководителем, за плечами которого были уникальные оперативные разработки и ценнейшие контакты, особенно среди ученых, занимающихся ядерной проблематикой.

Одним их важнейших качеств любого разведчика является умение легко устанавливать контакт с лицом, представляющим интерес для

³ Феклисов А.С. За океаном и на острове. М.: ДЭМ, 1994. С. 6.

разведки. У А.С. Феклисова был дар устанавливать контакты на любом уровне и в любой среде. С момента прибытия в США А.С. Феклисов установил контакт с популярным ведущим телеканала ABC Джоном Скали. Как пишет в своих воспоминаниях А.С. Феклисов, они обменивались с журналистом несекретной информацией по кругу политических вопросов⁴.

Каких-либо тревожных сигналов о наступлении кризиса по линии внешней и военной разведки резидентура в Вашингтоне не получила. В первую очередь это было связано с тем, что операция «Анадырь» проводилась в условиях строжайшей тайны. Информация о том, что СССР разворачивает ракеты на территории Кубы, была получена воздушной разведкой США 14 октября, об этом факте было доложено президенту Джону Кеннеди 16 октября, а его официальное заявление было сделано для мировой общественности 22 октября.

В этот же день по инициативе Джона Скали состоялась его первая встреча с А.С. Феклисовым в условиях быстро развивающегося кризиса. Во время первой встречи участники обменялись мнениями по данной ситуации — вывод был однозначный: мир стоит на пороге ядерной войны. Очередные встречи, т.е. 26 октября, проходили в ресторане Occidental и кафе отеля Statler в Вашингтоне. Д. Скали передал компромиссные предложения советскому правительству от президента США Джона Кеннеди для разрешения кризиса. Предложение было сделано в устной форме, но учитывая его важность, А.С. Феклисов, который работал в США под фамилией Фомин, записал их в блокноте и попросил проверить Д. Скали точность смысла. Предложения, исходящие от главы Белого дома, сводились к следующим условиям разрешения конфликта: СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН; США снимает блокаду с Кубы, США публично берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу⁵.

Советский резидент передал по каналу срочной связи КГБ вышеперечисленные предложения, которые были немедленно переданы главе Правительства СССР. К сожалению, посол СССР в США А.Ф. Добрынин отказался подписать шифровку, мотивируя свой отказ тем, что у него не было полномочий вести переговоры такого уровня⁶. В тот же день от ре-

зидента внешней разведки КГБ СССР на Кубе поступила острая информация о том, что в течение ближайших 24 часов США может нанести ракетно-ядерный удар по советским объектам, расположенным на Кубе.

В течение суток, т.е. к концу 27 октября, шли согласования. Руководители СССР дали ответ о том, что они принимают предложения США, но при условии вывода подобных ракет «Атлас» с территории Турции. Вот выдержка из заявления советского правительства, опубликованного в газете «Правда» от 28 октября 1962 г.: «Мы согласны вывести те средства с Кубы, которые вы считаете наступательными. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что США, со своей стороны, вывезут свои аналогичные средства из Турции. Советское правительство дает торжественное обещание: уважать неприкосновенность границ Турции, не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Турции, как с территории СССР, так с территории соседних с Турцией государств. Такое же заявление в рамках Совета Безопасности даст американское правительство в отношении Кубы».

28 октября на страницах газет в США опубликован текст заявления Д. Кеннеди: «Я приветствую принятое председателем Хрущевым государственно-мудрое решение остановить строительство баз на Кубе, демонтировать наступательное оружие и возвратить его в СССР под наблюдением ООН».

Так был разрешен тяжелейший конфликт в истории человечества, благодаря не только тому, что возобладали разум и благоразумие у лидеров двух сверхдержав, но и деликатной и настойчивой работе аппарата внешней разведки.

Результатом разрешения кризиса явилось создание прямого канала связи между главами государств США и СССР в целях оперативного обмена информацией в случае возникновения очагов напряженности, могущих привести к мировой войне. Этот канал, названный «красной линией», существует и сегодня. По сей день Куба является суверенным, независимым государством. США выполняют условия договоренности с СССР, не предпринимают акта военного вторжения на территорию Кубы, не размещают на территории Турции ракеты, ос-

⁴ Там же. С. 301.

⁵ Там же. С. 308.

⁶ Там же. С. 309.

нащенные ядерными зарядами. В общественных кругах США роль неофициального канала связи «Скали — Фомин» в разрешении опаснейшего военно-политического кризиса была признана и оценена значительно раньше, чем в России. У нас, к сожалению, это осознание приходит, как всегда, с большим опозданием.

После возвращения в СССР А.С. Феклисов получил грамоту за успехи в оперативной работе (читайте «за представленную информацию по разрешению Карибского кризиса») и орден Красной Звезды. Однако перспективный и опытный руководитель не получил ни должности в Центральном аппарате КГБ, ни очередного звания. Можно только предположить, почему А.С. Феклисов фактически был переведен с оперативной работы в учебное заведение — в Краснознаменный институт имени Ф.Э. Дзержинского (ныне — имени Ю.В. Андропова). Как он сам считал, это решение руководителей было продиктовано исключительно тем, что его считали «человеком Хрущева», хотя это не соответствует истине. К этому моменту Н.С. Хрущев был снят со всех должностей и отправлен на пенсию за волюнтаризм и грубое нарушение партийной дисциплины. Как бы то ни было, до глубокой старости А.С. Феклисов передавал свой уникальный опыт молодому поколению разведчиков. В 1996 г. политическое руководство Российской Федерации приняло решение о присвоении группе ветеранов внешней разведки, в том числе А.С. Феклисову, занимавшихся ядерной проблемой, звания Героя России.

Говоря об участниках конфликта октября 1962 г., вероятно, самого опасного момента в противостоянии двух сверхдержав периода холодной войны, следует сказать в первую очередь о лидерах США и СССР. Джон Кеннеди прожил после известных событий один год и один месяц и был сражен пулей снайпера. Никита Хрущев в 1964 г. на очередном Пленуме ЦК был смещен со всех постов и отправлен на пенсию. Проживая в основном на даче, он успел написать воспоминания, которые были опубликованы на Западе. В них он достаточно откровенно рассказал о развитии Карибского кризиса и роли разведок в нем. Умер Н.С. Хрущев в 1971 г., находясь в полной информационной и политической изоляции.

На протяжении всех лет, вплоть до своей кончины в 1995 г., Джон Скали публично оспаривал информацию А. Феклисова о том, что компромиссные предложения по преодоле-

нию Карибского кризиса поступили от правительства США.

Как бы то ни было, А.С. Феклисов прожил очень большую, яркую жизнь, насыщенную успешной работой на ниве деятельности внешней разведки КГБ СССР, стал ученым, много сил отдал воспитанию плеяды молодых разведчиков. Он написал и издал две книги: «За океаном и на островах» и «Признание разведчика». Отвечая на вопрос своего коллеги, за какие деяния он был удостоен звания Героя России, Феклисов ответил: «Полагаю, по совокупности добытых материалов по ядерной проблематике и за Карибский кризис».

Сегодня, посетив ресторан Occidental в Вашингтоне, над одним из столиков вы можете прочесть надпись на бронзовой табличке: «В напряженный период Кубинского кризиса (октябрь 1962 г.) таинственный русский мистер «Х» передал предложение о вывозе ракет с Кубы корреспонденту телекомпании ABC. Эта встреча послужила устранению возможной ядерной войны». Конечно, хотелось бы прочесть фамилию А.С. Феклисова и увидеть его фото рядом с фамилией Д. Скали.

Глядя правде в глаза, хотелось бы подчеркнуть, что два рядовых гражданина своих стран — Джон Скали и полковник Александр Феклисов во многом определили судьбу сложнейшего и опаснейшего противостояния, которое могло привести к гибели нашей цивилизации. В этой связи хотелось бы напомнить нынешним политикам за океаном и в современной России о недавних уроках истории и их высочайшей ответственности перед судьбами народов мира.

Литература

1. Зданович А.А. Интриги разведки. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
2. Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М. : Русь, 2003.
3. Правда. 1962. 14 октября; 1962. 29 октября.
4. Ставинский Э. Зарубины. Семейная резидентура. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
5. Феклисов А.С. Признание разведчика. М. : Аргатак-Медиа, 2016.
6. Феклисов А.С. За океаном и на острове. М. : ДЭМ, 1994.
7. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // СПС «Консультант-Плюс».
8. URL: <http://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct26/index.html>

Правовое регулирование социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны

*Игнатъев Евгений Анатольевич,
адъюнкт Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России
ignatev-evgeniy@yandex.ru*

*Лысенков Сергей Геннадьевич,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук
sergey.Lysenkov@mail.ru*

На основе применения современных методов исследования авторы раскрывают проблему правового регулирования социального обеспечения военнослужащих, ставших инвалидами Великой Отечественной войны, как одного из основных видов их государственного обеспечения. Заботясь об инвалидах Великой Отечественной войны, советское правительство имело эффективные меры по социальному обеспечению инвалидов путем издания соответствующих нормативных актов, оказывало тем самым существенное влияние на поддержание боеспособности и морального духа советских военнослужащих.

Ключевые слова: инвалиды войны, правовое регулирование, социальное обеспечение, пенсионное обеспечение, трудовое устройство, трудовое обучение.

Legal Regulation of Social Security of Disabled Veterans of the Great Patriotic War

*Ignatiev Evgeniy A.,
Adjunct to the Saint-Petersburg military institute
of the Internal Troops of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*

*Lysenkov Sergey G.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Saint-Petersburg military institute
of the Internal Troops of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation*

On the basis of application of modern methods of researches the author opens questions of legal regulation of social security of the military personnel, the become disabled people of the Great Patriotic War as one of main types of the state providing. The care of disabled people of patriotic war was an obligation of the state. Acceptance of effective measures for any solution of the problems connected with social security of disabled people by the publication of the relevant regulations has exerted considerable impact on maintaining of fighting efficiency and moral spirit of the Soviet troops.

Key words: disabled veterans, legal regulation, social security, provision of pensions, labor device, labor training.

В период Великой Отечественной войны образовалась многочисленная категория граждан Советского Союза, нуждавшихся в социальной помощи и поддержке, — инвалиды Великой Отечественной войны.

К инвалидам войны советское законодательство относило военнослужащих, утративших трудоспособность вследствие ранения, контузии или увечья, полученных в условиях боевых действий или при исполнении иных обязанностей военной службы, а

также вследствие заболевания, полученного в период пребывания на фронте.

Закон от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» предоставлял инвалидам войны право на государственное пенсионное обеспечение [1, с. 362].

В соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 пенсиями обеспечивались военнослужащие Красной армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск рядового и младшего начальствующего

состава: а) срочной службы, б) призванные из запаса, в) поступившие на военную службу добровольцами, г) семьи этих военнослужащих, в том числе и дети их, получавшие от них алименты [2, с. 236].

В развитие указанного постановления была разработана Инструкция Народно-го комиссариата социального обеспечения РСФСР от 3 октября 1940 г. № 1/301/21 «О порядке применения Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям»» [2, с. 92–128].

Лица высшего, старшего и среднего начальствующего состава, а также лица младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалисты рядового состава сверхсрочной службы и их семьи получали пенсию в соответствии с Постановлением СНК СССР от 5 июня 1941 г. № 1474 [2, с. 105–110].

Пенсии в зависимости от обстоятельств получения инвалидности делились на две категории.

Первая категория предусматривала пенсии для военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранений, контузий или увечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы.

Вторая категория пенсий назначалась военнослужащим, получившим инвалидность вследствие несчастных случаев, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, или вследствие заболеваний, не связанных с пребыванием на фронте [5, с. 215].

По тяжести недуга военнослужащего различались пенсии инвалидам I, II, III групп. Инвалидам, работавшим до призыва в армию, пенсии назначались в процентах от их заработка. Например, инвалиды I группы, имевшие среднемесячный заработок до 400 рублей, получали пенсию в размере 100% заработной платы, инвалиды II группы — 75%, инвалиды III группы — 50%. Если заработок превышал 400 рублей, то пенсия исчислялась из 400 рублей. В любом случае пенсия не могла быть ниже 150 рублей для инвалидов I группы, 120 рублей для инвалидов II группы и 90 рублей для инвалидов III группы. Военнослужащим, связанным с сельским хозяйством, во всех случаях пенсия назначалась в размере 80% от пенсии военнослужащих, не связанных с сельским хозяйством [5, с. 216].

Пенсию военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы назначали комиссии при районных и городских отделах социального обеспечения.

Пенсию лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы назначали отделы кадров военных округов.

Размеры указанных пенсий повышались на 25% инвалидам из числа сержантов и старшин. Полные кавалеры ордена Славы получали пенсии, превышающие размеры всех перечисленных пенсий на 50%. Работавшим инвалидам пенсия выплачивалась полностью, независимо от размера получаемого заработка [5, с. 216].

Инвалидам войны, имевшим право на пенсию как по социальному обеспечению в порядке Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. 1269, так и по другим основаниям (по соцстрахованию, персональная пенсия и др.), предоставлялось право выбора одного из указанных видов пенсий. Если военнослужащему пенсия назначалась не по Постановлению СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269, а по другому основанию, то соблюдались все правила о порядке назначения и выплаты пенсии по другому виду пенсионного обеспечения [4].

Лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы и специалистам рядового состава сверхсрочной службы Красной армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск НКВД при зачислении в запас или при увольнении в отставку назначалась пенсия за выслугу лет, или пенсия по инвалидности, или выходное пособие [2, с. 85].

Такое же право имели лица начальствующего состава органов НКВД, имевшие военные и специальные звания, и лица среднего и высшего начальствующего состава милиции и военизированной охраны.

На военных инвалидов распространялось общее законодательство по социальному страхованию в отношении размеров и порядка выплаты пособий по случаю рождения ребенка и пособий на погребение членов семьи.

Пособие на погребение умерших военных инвалидов выдавалось в размере двухмесячного оклада пенсии.

Государство заботилось о трудовом устройстве инвалидов, частично сохранивших свою трудоспособность.

Инвалиды войны в соответствии с Постановлениями СНК СССР от 6 мая 1942 г. № 640 и СНК РСФСР от 22 мая 1942 г. № 306 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны», закончив лечение и выйдя из госпиталя, могли быть направлены на работу [6].

В целях улучшения дела трудового устройства инвалидов было издано Постановление СНК СССР от 20 января 1943 г. № 73 «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» [9, с. 402].

Анализ указанных нормативных правовых актов показал, что, несмотря на полученную инвалидность, рабочие могли возвратиться к прежней специальности. Например, электромонтер по монтажу, получив ранение коленного сустава, в результате которого колено перестало сгибаться, возвращался на прежнее производство и работал электромонтером у распределительной доски.

Если прежняя работа в том виде, как она выполнялась до наступления инвалидности, не подходила, можно было устроиться на такую работу, на которой была бы применима прежняя квалификация. Если и такое не было возможным, давалось право поступить на любую подходящую работу в своем или ином предприятии или пойти на обучение новой специальности.

Если инвалид войны сам найти работу по какой-либо причине не мог, он должен было обратиться в районный отдел социального обеспечения по месту жительства.

Для инвалидов I и II групп в системе кооперации инвалидов была предусмотрена организация работ на дому.

Указать перечень профессий, подходящих для инвалидов войны, было трудно, так как таких профессий было очень много. В связи с этим научным институтом врачебно-трудовой экспертизы Ленинградского городского отдела социального обеспечения в 1941 г. была разработана, а в последующие годы дополнена Памятка инвалида войны, которой руководствовались при трудоустройстве.

Памятка рекомендовала, например, инвалидам с повреждением рук осваивать профессии канцелярского типа (счетоводов, делопроизводителей и т.п.). Подходящей была

работа административно-хозяйственного типа — председателем колхоза, сельсовета, директора машинно-тракторной станции, его заместителем, заведующим хозяйством, заведующим нефтебазой, старшим кладовщиком (без подъема тяжестей), заведующим столовой, заведующим клубом, заведующим магазином. Инвалиды с повреждениями рук могли работать агротехником, агрономом, зоотехником, учителем в школе, старшим приемщиком государственных поставок на приемном пункте Наркомата заготовок (если там имелся помощник для подъема и переноски тяжестей), письмоноском-почтальоном, весовщиком (без переноски тяжестей), сторожем [8, с. 20–22].

Чем выше было образование инвалида, тем легче ему было найти подходящую работу. Для профессий, в которых требовалось составление письменных материалов, более подходили инвалиды со здоровой правой рукой, но это имело значение только в течение первых нескольких месяцев после ранения. Опыт показывал, что инвалиды, потерявшие возможность писать правой рукой, быстро привыкали писать левой.

Инвалиды с повреждениями ног имели еще более широкий выбор подходящей работы, чем инвалиды с повреждениями рук. Если повреждение было незначительное или если при значительном повреждении имелся хороший протез, можно было работать стоя. Но чаще всего для инвалидов с повреждением ног оказывались более приемлемыми работы, не связанные с ее выполнением стоя или при ходьбе. К ним относились работы счетно-конторского типа (делопроизводитель, секретарь, переписчик на пишущей машинке, работник сберкассы, почтового отделения, телеграфа, телефонного узла), а также ряд станочных работ, при которых можно сидеть [8, с. 22–24].

Если в результате контузии или ранения человек терял зрение частично или полностью, он должен был осознать, что слепота, даже полная, не могла служить препятствием для продолжения трудовой деятельности. В СССР свыше 20 тысяч слепых с большой пользой работали на самых различных участках народного хозяйства. Слепые и слабовидящие объединялись во Всероссийское общество слепых, отделы и ячейки которого имелись в каждом областном и во многих районных центрах и нахо-

дились при отделах социального обеспечения [8, с. 24–25].

Инвалид по зрению еще во время пребывания в госпитале мог потребовать прибытия к нему представителя Всероссийского общества слепых, который помог бы ему разрешить все вопросы, связанные с его дальнейшим бытовым и трудовым устройством.

Недопущению случаев неосновательного отказа и незаконного увольнения с работы инвалидов Отечественной войны способствовали постановления СНК СССР от 6 мая 1942 г. № 640, и СНК РСФСР от 22 мая 1942 г. № 306, «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны». На местах принимались меры по сохранению за инвалидами войны рабочих мест [4].

Так, Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся своими решениями от 1 февраля 1943 г. «О порядке увольнения с работы инвалидов Отечественной войны» и от 9 февраля 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» обязывал руководителей всех предприятий, учреждений и организаций города Ленинграда в случае увольнения работающих у них лиц в связи с сокращением производства оставлять на работе работающих инвалидов Отечественной войны преимущественно перед другими работниками одинаковой квалификации.

Если инвалид хотел получить новую специальность или повысить свою квалификацию, он мог быть направлен на учебу.

Инвалид с законченным средним образованием мог поступить в любое высшее учебное заведение при условии сдачи соответствующих испытаний. Инвалид с семиклассным образованием мог поступить в техникум.

Инвалиды войны освобождались от платы за обучение Постановлением СНК СССР от 7 декабря 1940 г. № 2452 «Об освобождении от платы за обучение инвалидов-пенсионеров и их детей». Кроме пенсии, они могли получать стипендию на общих основаниях в соответствии с Постановлением СНК СССР от 3 октября 1940 г. «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» [7].

В ведении областных, краевых и республиканских земельных отделов имелись

школы и краткосрочные курсы, которые готовили работников различных специальностей для колхозов, например бригадиров (овощеводов, полеводов, животноводов и др.), заведующих фермами, председателей колхозов, счетоводов, бригадиров тракторных бригад, механиков МТС и других специалистов.

Для того чтобы поступить в эти школы или на курсы, нужно было обратиться с заявлением в правление своего колхоза и в районный земельный отдел по месту жительства.

Обучение и переквалификация инвалидов производились также в специальных учебных заведениях системы Народного комиссариата социального обеспечения и кооперации инвалидов (техникумы, профтехшколы, курсы, бригадное ученичество). Кроме учебных заведений, создавались краткосрочные курсы по обучению различным профессиям. Такие курсы готовили слесарей, столяров, швейников, сапожников, счетоводов, бухгалтеров, плановиков, чертежников, нормировщиков и представителей других профессий.

Подробные сведения о школах и курсах, которые интересовали инвалида, можно было узнать в районном отделе социального обеспечения по месту жительства или в Народном комиссариате социального обеспечения своей республики.

Учебные заведения системы социального обеспечения обучали инвалидов бесплатно, выплачивали им стипендию независимо от получаемой пенсии, предоставляли общежитие.

Кроме местных учебных заведений, в ведении Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР имелись республиканский техникум (профиль обучения — техник-технолог, протезист) и профтехшкола точной механики (профиль — часовщик).

Возвращение большинства инвалидов к труду было возможно лишь после их протезирования.

Инвалиды войны снабжались крупными протезами бесплатно как в первый раз, так и при последующей смене протеза.

Ортопедическая обувь и мелкие протезно-ортопедические изделия изготовлялись за плату, причем за ортопедическую обувь платилась сумма стоимости обычной обуви соответствующего качества (по прейскуран-

ту). Разница между стоимостью обыкновенной и ортопедической обуви оплачивалась государством.

По всем вопросам протезирования следовало обращаться в районный отдел социального обеспечения по месту жительства.

Нетрудоспособные инвалиды войны могли быть помещены в дома инвалидов.

Инвалиды I и II групп, желавшие устроиться в дома инвалидов, обращались в районный отдел социального обеспечения по месту жительства.

В случае помещения одинокого инвалида в дом для инвалидов выплата пенсии ему приостанавливалась.

Если у инвалида имелась семья, то пенсия делилась поровну по числу членов семьи, включая как самого инвалида, так и его иждивенцев, и часть пенсии, приходящаяся на иждивенцев инвалида, выплачивалась его семье.

Не оставалось без внимания государства санаторно-курортное лечение инвалидов.

Инвалид войны, нуждавшийся согласно заключению своего лечащего врача в санаторно-курортной помощи, должен был обратиться в районный отдел социального обеспечения по месту жительства. При этом необходимо было иметь на руках санаторно-курортную карту, заполненную врачом.

Советское государство не жалело средств, чтобы вернуть инвалидам Отечественной войны физические и духовные силы, помочь им в продолжении общественно полезной деятельности.

После окончания войны были приняты меры по улучшению социального обеспечения инвалидов. С 1 января 1946 г. были повышены в два и более раза минимальные размеры пенсий инвалидам Отечественной войны I группы. Теперь они составляли 250–300 рублей в месяц. Также были повышены на 25% пенсии ефрейторам и старшим краснофлотцам [9, с. 426].

Не остались без внимания государства бывшие военнослужащие, получившие инвалидность после их увольнения с военной службы, но в результате боевых ранений. Если инвалидность была установлена не позднее пяти лет после увольнения с военной службы, эти фронтовики обеспечивались пенсией наравне с инвалидами войны.

Таким образом, пенсионное обеспечение, материально-бытовое и медицинское обслуживание, а также трудоустройство гарантировали инвалидам Великой Отечественной войны надежную социальную защиту.

Литература

1. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 г. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1961.
2. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. Л.: Лениздат, 1944. 251 с.
3. Кодинцев А.Я. Уголовная ответственность за трудовые преступления в колхозах в годы сталинского режима // История государства и права. 2015. № 9. С. 60–64.
4. Капустина О.В. К вопросу об обеспечении инвалидов Великой Отечественной войны спецтранспортом (по материалам докладной записки министра социального обеспечения РСФСР Н.А. Муравьевой в ЦК КПСС № 1-433-7/14 от 29 июня 1957 г.) // История государства и права. 2013. № 18. С. 44–46.
5. Лысенков С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: монография // На боевом посту. 2010. 264 с.
6. Лушников А.М., Лушникова М.В. Правовое регулирование трудовых отношений в годы Великой Отечественной войны (краткий историко-правовой очерк) // История государства и права. 2015. № 9. С. 55–60.
7. Пособия, пенсии и льготы инвалидам войны, военнослужащим и их семьям. Л.: Лениздат, 1943.
8. Памятка инвалида войны. Научный институт врачебно-трудовой экспертизы Ленинградского городского отдела социального обеспечения. Л.: Лениздат, 1943. 106 с.
9. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. I. Гражданское право. Трудовое право / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юриздат, 1948. 430 с.

Становление системы врачебно-полицейского надзора за проституцией в Российской империи: краткая заметка

*Щербаков Алексей Дмитриевич,
аспирант кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина
alex_scherbakov@rambler.ru*

В статье рассматривается вопрос правового регулирования в Российской империи проституции с особым упором на материалы, обнаруженные в фондах Государственного архива РФ и Российского государственного архива древних актов по рассматриваемой проблематике. В частности, в статье анализируются ранее не исследованные данные о деятельности так называемой Калининской комиссии, приводятся статистика судебных приговоров о преступлениях прелюбодеяния в Российской империи за период с 1822 по 1833 г., а также рассматривается первоначальный этап формирования модели врачебно-полицейского надзора за проституцией в Российской империи в 40–50-е годы XIX в.

Ключевые слова: проституция, врачебно-полицейский надзор, нравственность, Калининская комиссия.

Formation of the System of Medical and Police Supervision over Prostitution in the Russian Empire: Summary

*Shcherbakov Aleksey D.,
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University*

The proposed Reading article discusses the legal regulation of prostitution in the Russian Empire, with special emphasis on the materials found in the collections of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Ancient Acts on the issues under consideration. In particular, the article analyzes the previously unexplored data on the activities of the so-called Kalinkin commission provides statistics of sentences of crimes of adultery in the Russian Empire in the period from 1822 to 1833, and is considered the initial step of forming a medical model — police surveillance of prostitution in the Russian Empire in the 40–50th years of XIX century.

Key words: prostitution, medical-police surveillance, moral, Kalinkin commission.

Как и любое иное социальное явление, так и проституция в различных своих проявлениях и аспектах становилась объектом исследования множества наук. Традиционно на проблематику, касающуюся вопроса «проституции», сложились две точки зрения — религиозная и научная, которые также внутри себя распадалась на множество ответвлений, образуя где-то противоречивые, а где-то и схожие взгляды. Если обратиться к работам Ч. Ламброзо¹, L. Bloeh², Paul LaCroix³, Parent-

Duchâtelet A.-J.-B.⁴, M. Rabutaux⁵, William W. Sanger⁶, Э. Дюпуи⁷, П. Дюфур⁸, И.П. Приклонского⁹, В.М. Тарновского¹⁰, А. Флексне-

⁴ De la prostitution dans la ville de Paris / Parent-Duchâtelet, A.-J.-B. Paris, 1857.

⁵ De la prostitution en Europe depuis l'antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle / par M. Rabutaux. Paris, 1881.

⁶ William W. Sanger History of prostitution: its extent, causes and effects throughout the world — New York, 1858. Pp. 18.

⁷ Дюпуи Э. Проституция в древности / пер. с фр. В. Зиновьева. СПб., 2012. С. 5–7.

⁸ Дюфур П. История проституции: романских, германских и славянских народов. СПб., 1907. С. 20–23 и далее.

⁹ Приклонский И.П. Проституция и ее организация: исторический очерк. М., 1903.

¹⁰ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм: Доклад Русскому сифилидологическому и дерматологическому обществу. СПб., 1888.

¹ Ломброзо Ч. Женщина — преступница или проститутка. М.: Астрель, 2012. С. 49, 83, 145.

² Bloeh L. История проституции / пер. с нем. П.И. Лурье-Гиберманъ. СПб., 1913. Т. I. С. 5–6.

³ LaCroix Paul. History of prostitution // Translate from original French Samuel Putnam. Chicago, 1925. Pp. 1–5.

ра¹¹, то увидим огромное количество не только подходов к понятию «проституция», но и возможных классификаций указанного социального явления на различных этапах развития человечества, а также различных моделей правового регулирования: начиная от полного неприятия проституции и искоренения ее самими жесткими мерами и заканчивая относительно терпимым отношением к проституции как к неизбежному социальному явлению¹².

Обращаясь же к вопросу отношения к проституции и правовому регулированию этого явления общественной жизни в России, нельзя не отметить работу М.М. Абрашкевича¹³, где на основе положений не только светского, но и канонического (церковного) права крайне скрупулезно рассматривается вопрос правового регулирования вопроса внебрачных связей, включая вопросы ответственности за «блуд и непотребство».

Представляется, что ознакомление с этой работой позволяет выдвинуть тезис о мотивах действий властей по выбору той или иной модели регулирования вопроса «блуда». Так, до времени царствования Петра I мы можем наблюдать преобладание именно модели клерикального регулирования этого вопроса, предполагавшего и избрание той или иной меры наказания за указанные действия¹⁴. После преобразований Петра I и до

8 октября 1843 г. (дата установления врачебно-полицейского надзора за проституцией в Империи) все правители Российской империи в том или ином виде обращались к вопросу регулирования «непотребств и блуда»¹⁵ в контексте защиты народного здоровья от венерических заболеваний. Прежде всего обеспечивая защиту мужского населения империи, являвшегося основным «ресурсом» для реформирования армии и ведения новых боевых действий. Также нельзя не выделить процесс активизации внутренней миграции населения, вызванный масштабными строительными проектами (строительство г. Санкт-Петербурга, освоение месторождений на Урале, освоение новых земель и т.д.), который требовал огромного количества людских ресурсов и влиял на применение исключительно суровых мер по искоренению «непотребства и блуда».

Хотя положения ПСЗРИ, касающиеся рассматриваемой проблематики противодействия «блуду и непотребствам» в Российской империи XVIII — начала XIX в., подробно рассматривались отечественными исследователями, вместе с тем стоит признать, что один из этапов — деятельность Калининской комиссии — остался без должного внимания¹⁶.

Возникнув на месте казенной полотняной фабрики¹⁷, в 1750 г. комплекс этой фабри-

¹¹ Флекснер А. Проституция в Европе / пер. с нем. М.Ю. Белостоцкого; под ред. Н.А. Россиянского. М., 1929. С. 6–7, 11.

¹² В контексте заявленного тезиса представляется верным утверждение выдающегося отечественного криминолога Я.И. Гилинского: «Человеческая сексуальность всегда была сферой повышенного внимания религиозных и светских властителей дум, полем борьбы представлений о дозволенном и недозволенном, «нормальном» и «девиантном». См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 528 с. С. 377.

¹³ Абрашкевич М.М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. Историко-догматическое исследование. Одесса, 1904. С. 467 и далее.

¹⁴ Примером может служить вопрос, ставший предметом рассмотрения императора Петра I (Высочайшие резолюции на докладные пункты Синода от 12 апреля 1722 года), где требовалось разрешить спорную ситуацию по отнесению тех или иных действий к церковной или светской юрисдикции: вопрос о причинах прелюбодеяния, расторжении брака и чelibитных об этих вещах был отнесен к ведению Синода

(п. 1–4), тогда как вопросы любодейства, блудного насилия и блуда господ с рабынями (п. 7) были отнесены к ведению светского суда // ПСЗРИ [I собрание. 1649–1825]. Т. VI (1720–1722). № 3963. С. 650.

¹⁵ Подробно вопрос именно законодательного регулирования в указанный период рассмотрен в работах: Алихаджиева И.С. Проституция как социальный и правовой феномен / под науч. ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2009. 231 с.; Панин С.Е. Проституция в России в XIX–XX вв.: материалы к библиогр. на рус. яз. / С.Е. Панин; Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2005. 51 с.; Нижник Н.С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2012. № 2 (т. 54). С. 11–18; Мартыненко Н.К. Проституция в Императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 30–37.

¹⁶ РГАДА. Ф. 8. О. 1. Ед. Хр. 1–9, 13–15 и 41 (микрофильмы).

¹⁷ Мартыненко Н.К. Сифилис как главная причина начала регламентации проституции в России в

ки стал использоваться как штаб-квартира специальной комиссии — «Комиссия калинkinского каменного дома», призванной выявлять и бороться с женщинами легкого поведения. Наиболее известным персонажем того периода является так называемая «Дрезденша», которую по именному повелению от 28 июня 1750 г. было поручено «взять в крепость, наказать кнутом и подвергнуть высылке за пределы России за границу». Однако архивные документы сохранили и имена других женщин «легкого» поведения, уличенных в непотребном поведении задолго до этой громкой истории с «Дрезденшей»: 1741 г. — вдова майора Арцибошева; 1745 г. — Авдотья Ширшова и Авдотья Пименова; 1746 г. — Анна Еимова; 1747 г. — Ульяна Тимофеева (жена солдата Лейб-гвардии Преображенского полка); 1748 г. — Агафья Семенова; Настасья Павлова; Анна Федорова; 1749 г. — Дарья Махопа; Наталья Гоголева; Анна Грачевская.

В развитии скандала, имевшего место с обнаружением сети домов с непотребными женщинами, руководимыми «Дрезденшей», 31 июля 1750 г. издается именной Указ, согласно которому указывается на необходимость предотвращения проникновения в Россию как по морю, так и по суше «непотребных женщин». При обнаружении же таковых следовало брать их под караул и не пускать в пределы России. Особенно было указано магистрату г. Гданши не допускать выдачи паспортов непотребным женщинам, которые следуют в г. Санкт-Петербург.

Руководство образованной Калинkinской комиссией было поручено действительному статскому советнику В.И. Демидову, который во Всеподданнейшем докладе от 19 ноября 1750 г. указывал: «В Калинkinской комиссии находится непотребных женщин в количестве — 193; надлежит сыскать еще 20 250 человек (курсив мой. — А.Щ.)».

Также представляются интересными следующие моменты. Во-первых, внимание комиссии могло пасть не только на женщин, но и на

мужчин. Так, по Всеподданнейшему докладу от 29 июня 1750 г. отмечается, что «в Комиссии калинkinского каменного дома имеется собранных непотребных сводников и сводниц и блядниц: иноземцев — 90, русских — 188 (всего — 178 человек). Из них: мужчин — 29; женщин — 149». Также в этом докладе ставится вопрос о видах наказания, которые могут быть применены к указанным лицам: битье батогами и высылку или просто высылку? Во-вторых, можно говорить о различии так называемого «квалифицированного» вида блядничества, когда «блядь» ходила в офицерском платье.

Интересным для пояснения вопроса о числе «непотребных» в г. Санкт-Петербурге того времени могут служить журналы «Сумм выдаваемых на питание арестованных в Калинkinском доме». Так, за 22 октября 1750 г. было выдано 174 арестованным кормовых денег по 3 коп. каждому, всего 5 руб. 22 коп. Прослеживая записи по указанным журналам, можно установить, что численность арестантов составила от 169 человек (30.10.1750 г.) до 178 человек (31.12.1750 г.).

Также стоит отметить, что лица, являющиеся арестантами Калинkinской комиссии, не просто содержались в заключении до особого распоряжения руководства Комиссии, а занимались общественно полезным трудом, если это можно так назвать: мужчины занимались хозяйственными работами (перекрывали крыши домов, занимались заменой брусчатки на плацу перед центральным домом и помогали разгружать дрова), женщины же работали на оборудовании казенной полотняной фабрики, а также посещали церковные службы. Стоит подчеркнуть, что все поступающие арестанты подвергались медицинскому осмотру и получали необходимое лечение. В штате Комиссии был свой лекарь.

Отдельно стоит подчеркнуть, что женщины, уличенные в занятии «непотребными» делами, после проведения соответствующих экзекуций, могли быть возвращены своему барину, отданы на перевоспитание отцу / старшему брату или же отданы на поруки своему супругу. Самой крайней мерой была высылка женщины из г. Санкт-Петербурга или из России, если она являлась иностранной подданной.

Отдельный интерес для исследователей представляют материалы фонда, касающиеся личности конкретных женщин и мужчин, прошедших через указанную специальную комиссию, а также показания жителей г. Санкт-Петербурга о женщинах, которых они подозревали в занятии «непотребной»

середине XIX века // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и современность». 2010. № 4. С. 43–55. Одной из немногих работ, касающихся именно научного изучения вопроса деятельности Калинkinской комиссии, можно считать: Роддугина И.А. Возникновение субкультуры проституции. Материалы публичной лекции для курса № 26 «Закон и порядок в России XVIII века» проекта «Arzamas». URL: <http://arzamas.academy/materials/850>

деятельностью, а также о местах, где можно было «купить любовь», — трактиры, игорные дома, постоянные дворы и даже внутренние дворы домов знатных вельмож. Интересно, что в материалах Комиссии остались объяснения мужчин, попавшихся за «непотребным» делом. Причем почти все указывали, что невиновны в непотребстве, а являются жертвами обстоятельств. В прошении офицера одного из расквартированных в городе полков на имя Государыни даже говорится, что он был околдован чарами девушки и не смог устоять от «непотребства».

Резюмируя полученные данные, можно говорить о том, что именно деятельность «Комиссии калинкинского каменного дома» стоит рассматривать как первую попытку со стороны государства по регулированию проституции не только путем репрессии, но и путем некоей реабилитации указанных женщин, общению их к труду и изъятию из среды разврата. Представляется, что можно говорить о попытке проведения своеобразного эксперимента по комплексному решению проблемы проституции в Империи того периода.

Последовавшие изменения в регулировании вопросов «непотребства» продолжили вектор репрессивно-наказательной политики в отношении лиц, признаваемых виновными в прелюбодействе и блуде. Вместе с тем можно привести данные из обзора статистических сведений о г. Санкт-Петербурге за 1836 г., где в отношении венерических болезней — извечном спутнике прелюбодейства отмечается: «О первой из них (о сифилисе. — А.Щ.) должно заметить следующее: с того времени, как градская полиция обращает внимание на уничтожение этой болезни, число одержимых ею, кажется, уменьшилось. Принимаемые для того меры состоят в еженедельном свидетельствовании развратных женщин и отправлении зараженных в учрежденную для таковых больных больницу»¹⁸.

Однако можно отметить, что, по имеющимся данным, за период 1822–1833 гг. число лиц, осужденных за прелюбодеяние и изнасилование (к сожалению, сборник группирует эти два преступления в единую группу) на ссылку в Сибирь, составило всего 317 человек обоого пола (258 мужчин и 59 женщин)¹⁹.

¹⁸ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. С. 162.

¹⁹ Т. 1. Отделение I. «Сведения о числе преступников, сосланных в Сибирь с 1822 по 1833 год

Представляется, что введение в России врачебно-полицейского надзора за проституцией в 1843 г. может быть обусловлено двумя факторами: 1) заимствование опыта европейских государств, прежде всего Франции, и 2) проблема распространения сифилиса среди населения²⁰. Представляется также, что требовалась альтернатива действовавшей системе выявления проституток и мест, где они оказывали свои услуги, так как отсутствие систематического характера этих мероприятий почти сводило к нулю эффективность деятельности полиции в этой сфере предупреждения нарушений законодательства. Отчасти подтверждением этому тезису может служить докладная записка от 15 сентября 1843 г., где Министр внутренних дел Российской империи граф Л.А. Перовский указывал: «Меры, принимаемые доселе к этой губительной заразе (любопытной болезни. — А.Щ.), нисколько не соответствовали своей цели. В Санкт-Петербурге только два врача полиции обязаны свидетельствовать всех женщин, промышляющих развратом, и отсылать зараженных в Калининскую больницу»²¹.

Интересно, что указанная модель была предложена в качестве «опыта» сроком на 2 года. При этом расходы на финансирование больницы и медицинское обслуживание женщин согласился взять на себя купец I гильдии Иван Аверин, тем самым помогая Санкт-Петербургскому приказу общественного призрения.

Уже в 1845 г. в новой докладной записке Министра внутренних дел Российской

за разные преступления» // Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые с Высочайшего соизволения, при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839. С. 133–147.

²⁰ В пользу данного тезиса могут быть приведены слова из отчета Министра внутренних дел за 1842 год: «В отношении к народонаселению, 1842 год принадлежит к числу благополучных. К числу явившихся болезней относятся: ...любопытная болезнь, которая гнездясь в больших городах и разливаясь от них по селениям, обращала на себя особенное внимание и требовала во многих местах особых мер» // Отчет Министра внутренних дел за 1842 год. СПб., 1844. С. 16.

²¹ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об учреждении в Санкт-Петербурге особой женской больницы и врачебно-полицейского Комитета» // ПСЗРИ [2-е собрание 1825–1881]. Т. XVIII (1843). № 17213. С. 593.

ской империи от 29 сентября 1845 г.²² указывались успехи от предложенного опыта (выявлено 1500 женщин, занимающихся непотребством, против 400 на период 1843 г. Также было выявлено 2000 женщин, пораженных любово-страстной болезнью, а также было обследовано 98 000 мужчин рабочего класса для исключения возможного распространения любово-страстной болезни).

Резюмируя изложенные в статье данные и материалы, можно сделать следующие выводы. Представляется, что появление в середине XVIII в. Калининской комиссии стоит все же считать серьезным шагом вперед в деле не просто выявления и осуждения проституток, но и поиска возможных вариантов решения этой проблемы не просто силами грубой репрессии. В этом же векторе следует рассматривать учреждение в 1843 г. на правах «опытной» модели организации врачебно-полицейского надзора за проституцией и учреждение специальной временной женской больницы. Считаю, что указанный опыт по поиску наиболее удачной модели / системы регулирования сложнейших общественных отношений может быть вполне востребован в современных российских реалиях. К примеру, в отношении лиц, диагностированных заболеванием «наркомания» или «алкоголизм». Такой опыт тем более ценен, что предусматривает активное привлечение государственных ресурсов к решению задачи, что также в современных условиях Российской Федерации может рассматриваться как большое подспорье для принятия управленческих и законодательных решений.

Литература

1. ПСЗРИ [1-е собрание 1649–1825]. Т. VI (1720–1722).
2. ПСЗРИ [2-е собрание 1825–1881]. Т. XVIII (1843).
3. ПСЗРИ [2-е собрание 1825–1881]. Т. XX, части 1 и 2 (1845).
4. РГАДА. Ф. 8. О. 1. Ед. Хр. 1–9, 13–15 и 41 (микрофильмы).
5. Абрашкевич М.М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. Историко-догматическое исследование. Одесса, 1904.
6. Алихаджиева И.С. Проституция как социальный и правовой феномен / под науч. ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2009. 231 с.
7. Bloeh L. История проституции / пер. с нем. П.И. Лурье-Гибермань. СПб., 1913.
8. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 528 с.
9. Делуи Э. Проституция в древности / пер. с фр. В. Зиновьева. СПб., 2012.
10. Дюфур П. История проституции: романских, германских и славянских народов. СПб., 1907.
11. De la prostitution dans la ville de Paris / Parent-Duchâtelet, A.-J.-B. Paris, 1857.
12. De la prostitution en Europe depuis l'antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle / par M. Rabutaux. Paris, 1881.
13. Ломброзо Ч. Женщина — преступница или проститутка. М.: Астрель, 2012.
14. Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые с Высочайшего соизволения, при статистическом отделении Совета Министерства Внутренних дел. СПб., 1839.
15. Мартыненко Н.К. Сифилис как главная причина начала регламентации проституции в России в середине XIX века // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и современность». 2010. № 4. С. 43–55.
16. Мартыненко Н.К. Проституция в Императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 30–37.
17. Нижник Н.С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (т. 54). С. 11–18.
18. Отчет Министра внутренних дел за 1842 год. СПб., 1844.
19. Панин С.Е. Проституция в России в XIX–XX вв.: материалы к библиогр. на рус. яз. / Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2005. 51 с.
20. Paul LaCroix History of prostitution // Translate from original French Samuel Putnam. Chicago, 1925.
21. Приклонский И.П. Проституция и ее организация: исторический очерк. М., 1903.
22. Ролдугина И.А. Возникновение субкультуры проституции. Материалы публичной лекции для курса № 26 «Закон и порядок в России XVIII века» проекта «Arzamas». URL: <http://arzamas.academy/materials/850>
23. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836.
24. William W. Sanger History of prostitution: it`s extent, causes and effects throughout the world — New York. 1858.
25. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм: Доклад Русскому сифилидологическому и дерматологическому обществу. С.-Петербург, 1888.
26. Флекснер А. Проституция в Европе / пер. с нем. М.Ю. Белостоцкого; под ред. Н.А. Россиянского. М., 1929.

²² Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 16.10.1845 года «О продолжении еще на три года существования учрежденного в Санкт-Петербурге Врачебно-Полицейского комитета» // ПСЗРИ [2-е собрание 1825–1881]. Т. XX, часть 2 (1845). № 19402. С. 79–80. Этому Акту предшествовало такое же продление на три года деятельности специальной временной женской больницы // ПСЗРИ [2-е собрание 1825–1881]. Т. XX, часть 1 (1845). № 19261. С. 591.